

Валерий МИХАЙЛОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ
ЗА КРАЙ
ЗЕМЛИ

@ЭЛИТА

18+

Валерий Михайлов

Путешествие за край Земли

Электронное издательство "Аэлита"

2004

Михайлов В.

Путешествие за край Земли / В. Михайлов — Электронное издательство "Аэлита", 2004

В результате эксперимента по перемоделированию реальности группа людей попадает в мир, находящийся за краем плоской Земли. И там, за краем Земли, путешественников ждут поистине сюрреалистические приключения. Преодолевая трудности, они шаг за шагом приближаются к пониманию того, кто они есть, и для чего живут. И, конечно же, их путешествие, как и любое другое путешествие к пониманию себя, обильно сдобрено юмором. Белые единороги на шахматной доске, африканские культы, тараканы, живущие в клетке, педиатр, уважающий курсы Камасутры, ленно слоняющиеся дзен-террористы... Сюжет намекает: не верь автору, просто читай, иди дальше по тексту, не оборачивайся, но помни, что твоя спина не прикрыта...

© Михайлов В., 2004

© Электронное издательство
"Аэлита", 2004

Содержание

Гиперглава первая	6
Глава первая	6
Глава вторая, в которой...	7
Подглава 1	7
Подглава 2	10
Подглава 3	12
Глава третья	17
Подглава 1	17
Подглава 2	20
Подглава 3	22
Глава четвертая	26
Подглава 1	26
Подглава 2	29
Подглава 3	30
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Глава седьмая	38
Подглава 1	38
Подглава 2	39
Подглава 3	41
Глава восьмая	43
Подглава 1	43
Подглава 2	43
Глава девятая	45
Подглава 1	45
Подглава 2	46
Подглава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерий Михайлов

Путешествие за край Земли

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ДЕЛИРИЙ [дэ], я, м. [лат. *delirium* безумие, помешательство].
мед. Бред со зрительными галлюцинациями, наблюдающийся при нек-рых инфекционных и психических заболеваниях, алкоголизме.
Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина

ЗАЯВЛЕНИЕ:

Авторы (текст написан в соавторстве с Богом) официально заявляют: ВО ВРЕМЯ НАПИСАНИЯ ДАННОГО ТЕКСТА НИ ОДНО НАРКОТИЧЕСКОЕ ВЕЩЕСТВО НЕ ПОСТРАДАЛО!!!

Подписи: Автор. Бог.

Гиперглава первая

*Корабль уродов, где твой штурвал и снасть?
Я так боюсь упасть в морскую воду;
Корабль уродов, что ты готовишь мне,
Гибель в морской волне или свободу?*
Борис Гребеничиков «Корабль уродов»

Глава первая

На экране крупным планом появляется лист бумаги и рука, держащая старомодную перьевую ручку.

«Пользуясь случаем, хочу сказать»... – выводит рука каллиграфическим почерком. Слышны шаги: кто-то вбегает в комнату, но зритель не видит, кто.

– Папа! Папа! – звучит радостный детский голос – посмотри, что я нашел!

Раздается оглушительный взрыв. На экране огонь. Титры.

Вот такая вот глава.

Глава вторая, в которой...

*Раз мир бардак,
То судьбы сутенеры.*

Подглава 1

Комната размером 4х5. Стены оклеены бледными однотонными обоями. Пол (ДВП) окрашен в абрикосовый цвет. Окно зашторено. С потолка свисает старомодная дурацкая люстра с какими-то аляповатыми ангелочками с дебильными лицами. Горит электрический свет. У противоположной от окна стены стоит большая кровать. На кровати сидит маленький тщедушный очкарик. Его лицо и фигура не дают ни малейшего представления о национальной принадлежности данного субъекта. На кровати «у стенок» кто-то лежит, укрывшись с головой одеялом. Кроме них в комнате еще один человек: уборщик. Нелепая жертва юмора создателя. Высокий, тощий, лысый. На некрасивом лице полное отсутствие какого-либо выражения. Уборщик меланхолично работает шваброй. Слева под мышкой он зачем-то держит скейтборд, который, несомненно, мешает ему работать.

– ... Лена и Надя, – рассказывает уборщику очкарик, – милые, нежные, ласковые, красивые, очаровательные, мечтательные, завораживающие, магические, ошеломляющие...

Уборщик с отсутствующим видом трет один и тот же участок пола. Он даже не делает вид, что слушает.

– А хочешь, я тебе их найду? – говорит вдруг уборщик, когда количество эпитетов вдвое превышает официально установленное количество слов в русском языке, и когда вероятный или гипотетический зритель (лучше зрители) уже отчаялся дожидаться хоть какого-нибудь развития событий.

– Ты? – удивился очкарик?

– Ну да. А почему бы и нет?

– Шутишь?

– Мне за это не платят.

– Да... конечно... сейчас.

Очкарик выуживает из-под кровати мятые пыльные брюки, роется в карманах.

– Держи, – говорит он, протягивая уборщику мятую купюру.

Уборщик берет деньги, расправляет...

– Это что? – спрашивает он.

– Я... ты не думай... – мямлит очкарик.

– Ты дал мне червонец! Что может быть оскорбительней для порядочного человека!

– У меня больше нет. Зарплату задерживают до понедельника.

– Дай, – приказывает уборщик, вырывая у очкарика из рук брюки. При этом скейтборд падает на пол.

В результате настойчивых поисков уборщику удается добыть из карманов немного мелочи.

– И это все? – презрительно спрашивает он.

– Я же говорю, зарплата...

– А что у тебя в другой комнате?

– Какой комнате?

– У тебя ведь двухкомнатная квартира?

– Ну.

- Значит, должно быть две комнаты.
- Ты прав, – грустно соглашается очкарик.
- Вот видишь, – говорит уборщик, направляясь в другую комнату.
- Там... туда нельзя. Там не убрано, – говорит, краснея, очкарик.

Он вскакивает с кровати, выбегает из комнаты в коридор и заслоняет собой дверь в другую комнату. В коридоре тоже горит свет. Причем, всегда, даже когда перегорают лампочки.

– Это моя работа, быть там, где не убрано, – решительно говорит уборщик, отталкивая очкарика.

Он открывает дверь, и сразу же теряет всю свою решительность.

– Мать твою! – говорит уборщик, вот это срань!

После этих его слов камера «заглядывает» во вторую комнату очкарика. Там действительно срач. Такое впечатление, что кто-то разгрузил несколько мусорных контейнеров.

– Я получил это в наследство!

– На твоём месте я давно бы отправил все на свалку.

– К сожалению, я смогу это сделать только через шесть месяцев. Таков закон. Вдруг объявятся другие наследники?

– Думаешь, на это кто-то позарится?

– Нет, но как я тогда докажу, что пятьсот килограммов личных вещей безвременно ушедшей тети...

– Так у тебя действительно нет денег?

– Я же сказал... Клянусь тетиным прахом.

– Будешь должен, – сказал уборщик и вышел из квартиры.

– У тебя действительно нет денег! – послышался грубый женский голос из-под одеяла.

– Увы, – вздохнул очкарик, возвращаясь в комнату с кроватью.

– Какая же ты скотина, Михаил! – так читатель узнает, что имя очкарика Михаил.

Женщина откидывает одеяло. К глубочайшему сожалению любителей «клубнички» она одета. Ей около двадцати пяти. Невысокая, худая, кому-то может показаться симпатичной. Короткие белые волосы, ужасный грим, яркая кофточка, узкие джинсы, ботинки. На подошвах следы кетчупа, майонеза и горчицы.

Михаил (теперь я буду называть его так) развел руками.

– А как ты собираешься рассчитывать со мной?

– А в чем проблема?

– У тебя же нет денег. Забыл?

– Ну и что? В булочной, например, мне отпускают в кредит.

– В кредит?! – взвизгнула женщина; от злости ее лицо покрылось пятнами. – Подлец!

Она профессионально наградила Михаила звонкой пощечиной.

– Подлец! – повторила она и вышла из комнаты.

Хлопнула входная дверь.

Где-то под кроватью зазвонил будильник.

– Черт! Работа! Опаздываю!

С этими словами Михаил пулей вылетел из комнаты. Забежав на кухню, он поставил чайник, покормил таракана, который жил в клетке на подоконнике, поменял ему воду. Почистив зубы (это он сделал уже в ванной), Михаил надел все те же мятые брюки и такую же мятую рубашку, которую опять же выудил из-под кровати.

Засвистел закипевший чайник.

– Бегу, – крикнул Михаил, словно чайник мог его слышать.

Чайник засвистел еще громче.

– ...! – выругался Михаил, но из-за свиста чайника, мы не расслышали, как.

Михаил быстро проглотил пару бутербродов, которые запил чашкой растворимого кофе, и пулей выбежал из квартиры. Несколько раз скрикошетив от стен, он спустился по лестнице – лифта в доме не было. К счастью, жил он на втором этаже. Выйдя из дома, Михаил забрался в достаточно подержанный, повидавший на своем веку, автомобиль. Несмотря на преклонный возраст, машина резво набрала скорость и выскочила на почти пустую дорогу.

– И так, уважаемые дамы и господа, – я педиатр, – рассказывает Михаил, повернувшись к боковому окну. (Я, автор, нарочно перескакиваю с настоящего времени на прошедшее и наоборот). Он говорит в воображаемую камеру, которая следует параллельным курсом с машиной. На дорогу он почти не смотрит, – педиатр, – повторяет он, – не педагог, не педофил, а педиатр. Работаю я с детьми, причем знаю о детях все или почти все. Я профессионал. Однажды меня даже взяли на курсы Камасутры для женщин в качестве учебного пособия. Вот так. Платили, правда, мало, зато это была, наверно, единственная интересная работа за всю мою жизнь.

Дорога делает поворот, в который Михаил вписывается с профессионализмом пилота «Формулы 1».

– Я даже знаю, где они появляются на дороге.

И точно, Машина догоняет человек 15 велосипедистов детского возраста. Практически все дети ехали черти как по встречной полосе, и только один мальчик лет 12 держался правой стороны.

– А ты почему не как все? – спросил Михаил, поравнявшись с ним.

– Ты что, правила не читал? – удивленно спросил мальчик.

– Конечно, нет, – удивился в ответ Михаил.

– А я читал, – сказал мальчик не без гордости.

– Ну ты и сволочь!

Мальчик показал Михаилу средний палец.

– Таких надо уничтожать методом абортирования, но я поступаю с ними иначе, – сообщил в камеру Михаил, позеленев от злости.

Каким-то чудом ему удалось вытащить руку в правое окно и схватить за руль велосипед.

– Ты чего! – испугался юный велосипедист.

– Сейчас узнаешь, шенок.

Он разгоняется до сотни, затем толкает велосипед, который летит вверх тормашками.

– Если меня разозлить, – продолжает рассказывать Михаил, – для меня не существует никаких преград.

Словно доказывая правоту этих слов, он выжимает газ до пола. Машина мчится вперед. Впереди перекресток. На светофоре красный, но Михаил словно не замечает этого. Он продолжает мчаться вперед и чудом объезжает тяжелый тягач. Его автомобиль ведет себя так, словно законов физики не существует.

Впереди железнодорожный переезд. Поезд. Михаил издает боевой клич и пришпоривает машину, которая с диким ржанием перепрыгивает через вагон.

– Меня ничто не остановит, – кричит Михаил.

Дорога перекрыта военными. Автоматчики, танки. В небе висят вертолеты.

– Хрен вам! – кричит Михаил. Он нажимает на какую-то кнопку, и его автомобиль взлетает в небо, совершая пассажи, которым мог бы позавидовать даже НЛО. Машина скрывается в небе.

С нечеловеческим криком Михаил вскакивает с кровати. Он в своей комнате. Уборщик меланхолично елозит шваброй по полу.

На кровати у стеночки кто-то лежит, укрывшись с головой одеялом.

– Кошмар? – спрашивает уборщик.

– Сон. Кошмар – это другое. Моим кошмаром стала потеря двух девчонок.

– Они умерли?

- Хуже.
- Хуже?
- Они меня бросили. Лена и Надя: милые, нежные, ласковые, красивые, очаровательные, мечтательные, завораживающие, магические, ошеломляющие...

Подглава 2

*Куда? В бордель?
Карету мне, карету!*

В кабинете Доктора полумрак. Два кресла, стол, несколько стульев. На столе следы дешевого красного вина – свидетельство быстротечной, уходящей молодости. В одном из кресел молодой, еще нет тридцати, мужчина внушительной наружности: Доктор. Доктор – это его фамилия. Профессия – клинический или медицинский психолог. А если говорить всю правду (которую он никогда не говорит своим клиентам), то профессия будущая. Он не закончил еще обучение, что не мешало ему на прямой вопрос: «Вы доктор?» отвечать: «Да». Такой ответ позволял ему одновременно врать и говорить правду.

В другом кресле сидела истерическая дамочка лет сорока. Одета она была со вкусом начинающей деревенской проститутки, в первый раз вышедшей на панель. Подобный, извиняюсь за выражение, стиль весьма, кстати, популярен среди недалеких сорокалетних дамочек, с синдромом пониженного мужского внимания.

– Представляете, доктор, взмыв вверх, он вновь просыпается у себя в постели. И так бесконечное число раз. Я не знаю, что делать!

Дамочка рассказывала сон, послуживший основой для подглавы первой. При этом она тербила носовой платок с такой злостью, словно это он был повинен во всех ее бедах.

– Какую именно помощь вы хотели бы получить?

– Доктор, мне сказали... – она замолчала и тупо уставилась в окно.

– В данном случае я вижу несколько вариантов решения: Можно попытаться проанализировать сон, это позволит вам понять то послание, которое он содержит. Можно изменить сценарий сна. Можно научиться вообще спать без сновидений, но это не самый лучший выход.

– Разбудите меня, доктор, – сказала она так, что любой даже самый непонятливый идиот смог бы разглядеть в этих словах недвусмысленную сексуальную подоплеку.

Доктор предпочел слепоту.

– Послушайте, – сказал он, – в вашем сне фигурирует педиатр.

– Да.

– У себя дома.

– Да.

– Потом в машине.

– Да.

Каждый раз ее «да» становилось все более страстным.

– Но, если я правильно вас понял, никакого психолога в собственном кабинете там нет.

– Да, доктор.

– О чем это говорит?

– О чем? – спросила она, посмотрев на Доктора настолько выразительно, что он буквально услышал: «Ну что же ты все еще говоришь?!».

– Это говорит о том, что в данный момент вы совершенно не спите, и вас не нужно будить.

Доктор довольно улыбнулся.

– Какой же ты все-таки... – не найдя нужного слова, она отпустила ему звонкую пощечину и вышла из кабинета.

– Что, опять догавкался? – скорее сказала, чем спросила относительно юная особа в белом халатике, входя в кабине.

Это была та самая женщина, которая пряталась под одеялом в постели Михаила. Наяву она была намного симпатичней. Короткие светлые волосы были красиво подстрижены и уложены, лицо выглядело свежим, а голос не был грубым. Ее легко можно было назвать милой или очень милой.

– Ты только не начинай.

– Смотри, распугаешь всех клиентов.

За окном послышался визг тормозов, затем короткий, полный ужаса и отчаяния крик.

– Какой ужас! – воскликнула медсестра, выглянув в окно.

Доктор выдвинул один из ящиков стола, достал оттуда папку-скоросшиватель, не торопясь, развязал тесемочки и открыл папку. Там было несколько листов бумаги, исписанных крупным почерком.

«Все началось в первой половине XXI века, когда правительство поставило перед собой задачу окончательно решить транспортную проблему. К тому времени была уже изобретена «Система беспилотного вождения автомобиля». Самообучающийся автомат не нарушал правила дорожного движения, был аккуратен и точен. А глобальная сеть «Кибертранспорт» позволила сократить число пробок на улицах городов и значительно уменьшить число ДТП, которые случались теперь исключительно по вине пьяных пешеходов или безответственных любителей ручного управления автомобилем.

Принятый вскоре «Закон о пилотировании транспортных средств», согласно которому запрещалась эксплуатация транспортных средств с ручным управлением, а также дешевизна и доступность общественного транспорта, включая такси, заставили людей полностью отказаться от личного транспорта.

Наступил Золотой Транспортный век, за которым...

Это произошло, когда количество транспортных средств превысило количество пассажиров, и жесточайшая конкуренция заставила программу самообучения искать наиболее эффективную с машинной точки зрения стратегию борьбы за пассажиров.

Вскоре на улицах появились транспортные средства с длинными, похожими на щупальца осьминога приспособлениями, оснащенными всевозможными датчиками, позволяющими «видеть» людей. И стоило какому-нибудь зазевавшемуся прохожему оказаться в зоне внимания транспортного средства, как оно тут же захватывало его в плен, превращая в невольного пассажира, который умирал мучительной смертью от голода и жажды.

Над человечеством нависла угроза истребления...»

Это было описание сна, сконструированного тем самым очкариком, Михаилом, которого истеричная дамочка захомотала в свой сон.

Михаил появился в кабинете Доктора месяц назад. Выглядел он ужасно.

– Что мне делать, доктор? – спросил он так, как спрашивают только окончательно отчаявшиеся люди.

– А вы не пробовали изучить управление снами?

– А разве это возможно?

– Конечно. Хотите, я выпишу направление?

– Доктор! – воскликнул он. – Вы – бог!

– Еще нет, – пошутил Доктор.

Тогда он направил Михаила на курсы управления снами: за каждого клиента Доктор получал свой дивиденд. И вот сегодня истеричная дамочка навсегда исчезла в одном из таких такси.

– Черт, где же он...

– Что ты ищешь? – спросила медсестра.

- Телефон педиатра.
- Зачем он тебе?
- У меня лекция. Надо на всякий случай его разбудить.

Подглава 3

*Коня мне!
Из летописи шахматного турнира.*

Лекция профессора Гробовщика проходила в конференц-зале нового здания университета. Несмотря на всю внушительную грандиозность зала, свободных мест не было, а некоторые слушатели даже стояли в проходах. За Доктором, как, собственно, и за любым другим студентом, было закреплено персональное место, что позволяло ему приходиться непосредственно перед самым началом лекции и не дышать сверхположенного спертым, пахнущим краской и несвежими носками воздухом – вентиляция в конференц-зале была просто ужасной.

Ажиотаж объяснялся тем, что Гробовщик был одним из известнейших авторов популярных книжек по околопсихологии – так подобную литературу называли серьезные специалисты в области психиатрии, которых, тем не менее, кроме определенного круга психически больных людей и их родственников никто толком не знал. Гробовщик, несмотря на все свое нескрываемое шарлатанство, в отличие от них был у всех на устах. Кроме студентов, которых недовольные преподаватели кафедры психологии и психиатрии вынуждены были пригнать в зал силком (Гробовщик пожертвовал весьма внушительную сумму денег на развитие родного университета, когда пытался баллотироваться в губернаторы), послушать светило международного класса (как было сказано в выпуске новостей, Гробовщик был проездом из Америки) пришли все, кто смог найти достаточно внушительную сумму, чтобы заплатить за вход.

Злые языки говорили, что в Америке, Гробовщик развозил пиццу, ну да это была клевета. К пицце Гробовщик имел отношение исключительно как потребитель.

Ровно в указанное время на трибуну, которая находилась на сцене прямо под большим портретом президента, вышел ректор университета. Он кашлянул несколько раз в микрофон, после чего произнес:

– Уважаемые дамы и господа. Сегодня все мы собрались здесь для того, чтобы прослушать лекцию нашего замечательного земляка и коллеги, – произнося «коллеги», он немного скривился, – автора таких замечательных и полюбившихся читателям книг, как «Психология для крутых», «Прочти и стань счастливым», «Как стать богатым на пустом месте», доктора философии и медицины, почетного члена международного общества прогрессивных психиатров и так далее, и так далее. Я не буду перечислять все его регалии и заслуги: это заняло бы слишком много времени, которого у него, да и у многих из вас не так уж и много. Итак, встречайте: доктор Гробовщик Яков Арофатович.

Конечно же, в действительности ректор говорил намного дольше и скучнее, к тому же он опоздал минут на пятнадцать, но тем искусство и отличается от серой обыденности, что преподносит информацию уже в обработанном творческой натурой автора виде.

Пока ректор нес свою ахиною, Доктор развлекал себя тем, что разглядывал весьма разумного вида блондинку, волею судеб оказавшуюся в соседнем кресле. Блондинка действительно была умной, как и многие другие блондинки, которых встречал Доктор. Блондинка была из принудительно загнанных в аудиторию студенток. Она была более чем привлекательной, и Доктор хотел уже, было, с ней заговорить, но тут, как назло, ректор объявил выход Гробовщика, и на сцену трусцой выбежал мужчина, на вид которому было около пятидесяти лет. На нем был спортивный костюм.

- Доброе утро, – крикнул он в микрофон.

Зал отреагировал почти пчелиным гудением.

– Ну, мы так с вами не договаривались, – нарочито обиделся он, – А ну веселее.

Зал отреагировал громче. Доктор поморщился. Он не любил дешевое шоу.

Лектор тем временем потребовал, чтобы с ним поздоровались еще раз. Среди громких приветственных криков Доктор отчетливо расслышал знакомую с детства каждому россиянину фразу, предлагающую отправиться по некоторому адресу.

– Итак, господа, – сказал Гробовщик уже более серьезным тоном, – сейчас я бы попросил вас запомнить свою реакцию на мое приветствие в духе американских проповедников, поп-Звезд и телеведущих. Это пригодится вам в конце лекции. А теперь перейдем сразу к теме. То, что я пришел на лекцию в таком виде и начал с валяния перед вами дурака совсем не случайно. Заявленная тема нашей лекции: «Что такое реальность, или как выиграть в покер у Бога?». Но речь сегодня пойдет не об этом. В действительности мы будем обсуждать несколько иную тему: «Есть ли реальность на самом деле?». Почему я не указал это в программе? Признаюсь, мною двигали коммерческие соображения, но не только. Думаю, многие из вас понимают, что на лекцию с таким названием пришли бы только студенты, да и то потому, что им без этого не поставили бы в зачетку отметку. А почему? Да потому что данная постановка вопроса подразумевает правильность одного из 4 утверждений:

1. Я – один из тех заумных мозгоклюйщиков, которые забивают себе и другим головы всяким дерьмом.

2. Я – сумасшедший, спятивший маразматик, которого будут слушать разве что такие же кретины.

3. Я прав, и тогда ваш привычный мирок рассыпается, превращаясь в хаос непонимания. Что может быть отвратительнее для обывателя?

4. Иная версия, которая не пришла мне в голову.

В любом из этих вариантов инстинкт сохранения собственных заблуждений нашел бы повод отказаться от лекции и заняться чем-нибудь иным менее опасным для того свода заблуждений, который большинство из нас называют правилами, убеждениями, традициями или хорошим тоном. Указанное обозначение темы подразумевает, что я буду учить вас очередным уловкам, которые позволят вам еще более продуктивно поиметь избежавших на сегодня этой участи ближних, что ни в какой мере не противоречит правилам хорошего тона. Это называется бизнесом или рынком, но сегодня речь у нас пойдет о другом. Те из вас, кто боится немного прозреть, могут быть свободны, для остальных я начинаю:

А начну я с не совсем обычного экскурса в историю. Необычного тем, что я не буду оперировать ни датами, ни фамилиями, ни фактами. Только голая идея, которая и имеет значение, в конечном счете. Итак, с незапамятных времен на Земле были люди, которые врубались в некоторую весьма интересную фишку, одна из особенностей которой заключается в том, что обычным человеческим языком ничего об этом нельзя передать кому-либо еще. Одни из этих людей так ничего и не сказали, другие ударились в поэзию, третьи начали создавать малопонятные зашифрованные тексты, четвертые предпочли переодеться идиотами, естественно, если судить с позиции современного здравомыслящего европейца. Как ни странно, внешний идиотизм, наиболее близко передавал то НЕЧТО, что скрывалось за этой фишкой. Так появился мистицизм класса дзен.

Позже умные европейские дяди измерили этот мистицизм линейками и штангенциркулями и создали ряд психологических школ, выбросив из них необходимую долю идиотизма, который, как вы уже знаете, был одним из ведущих ингредиентов понимания. Эти люди, а позже их последователи, сторонники, противники или просто те, кто ознакомился с их трудами, будучи студентами, вывели несколько положений, а именно:

1. Так называемая объективная реальность нам недоступна. Все, что мы имеем – это, своего рода, карта, которая образована нашим сознанием. Иными словами каждый из вас живет в некой матрице, которую создает его нервная система.

2. У каждого своя матрица, отличная от матриц других.

3. Все матрицы соотносимы, иначе там, где для одного находится дверь, для другого была бы стена, и наоборот.

Как же соотносятся эти реальности между собой? Вот вопрос вопросов, ответ на который позволит понять массу интересных явлений.

То, что я изложу дальше, будет одной из гипотез или моделей матричного существования. Она далеко не совершенна, но позволяет мне вполне сносно существовать в собственном матричном мире. Хотите – можете взять ее на вооружение, а нет – придумайте свою. В конечном счете, каждый человек, осознанно или нет, сам выбирает тот мир, в котором живет.

Представьте себе фотографию, которую сделали следующим образом: На одну и ту же пленку в одном и том же масштабе сфотографировали все матрицы, потом пленку проявили. Получилась общая область реальности и отдельные частные карманы. Другими словами, когда мы говорим, что привидений не бывает, мы фактически заявляем, что в наиболее общей части реальности сообщества цивилизованных людей начала двадцать первого века привидений нет, при этом мы не хотим даже предположить, что имеются некоторые карманы реальности, в которых эти привидения существуют.

Отсюда можно сделать вывод: Нет ничего реального или нереального. То, что реально в одном кармане реальности, совсем нереально в другом. Так, например, вертолет совершенно нереален в средневековой части матрицы, тогда как в реальности здравомыслящего скептика невозможны явления Девы Марии.

Что я с этого могу иметь? – спросите вы. Не зря же вы заплатили за вход? Так вот, мне около 50. Что можно сказать об этом возрасте? Если бы я был человеком, в реальности которого 50 – это преклонный возраст, я был бы развалиной, но я конструирую свою реальность сам, и в моей реальности 50 лет – это еще не возраст, поэтому я пришел на лекцию в спортивной форме.

О том, как конструировать реальность, мы поговорим в следующий раз. Спасибо за внимание.

Доктор посмотрел на часы. Свободное время (он был приглашен на вечеринку к другу – Адвокату) свернулось калачиком между стрелками и мирно дремало. На вид оно было милым, и убивать его Доктору стало откровенно жалко. Чтобы не убивать время он решил сходить в кино.

В Доме кино как всегда была премьера фильма «Путешествие за край Земли». Несомненно, другие люди видели на афишах и, следовательно, на экране нечто иное, но в реальности Доктора все фильмы слились воедино и превратились в фильм о нем самом, как участнике описываемых событий. Доктор воспринимал это как данность, но в кино ходил редко, скорее даже не из протеста против такого порядка вещей, а потому, что обычно бывал занят.

Купив билет, доктор пошел сразу в зал. Заходить перед сеансом в буфет ему не захотелось. К тому же у адвоката выпивка никогда не была дефицитом, а пить за свой счет, если тебя угощают, доктор не любил, считая это проявлением мещанства.

На этот раз (такие вариации были возможны) перед началом фильма выступал известный литературовед, которого любовь к просветительству и карточный долг заставили отправиться в турне с лекциями по поводу того или иного фильма. Его речь была искусствоведческой до мозга костей, что естественно не могло не ввести публику в уныние.

Доктор опоздал минут на тридцать, но его это ни сколько не смутило. Еще одной странностью, воспринимаемой им как факт, было то, что когда бы он ни вошел в зал, фильм начинался только после того, как он занимал свое место.

Когда Доктор вошел в зал, искусствовед говорил, скорее всего, о режиссере.

– ... и если б не та роковая порция паленой шмали... – услышал Доктор, входя в зал.

Что было бы, если бы режиссер не вмазался паленой дурью публики так и не узнала. К лектору подошел представительный мужчина, что-то шепнул ему на ухо и пожал руку.

Почувствовав руке свернутую купюру значительного достоинства (на деньги у него было чутье), лектор приободрился и сказал:

– Об этом можно говорить бесконечно, но лучше, думаю, перейти непосредственно к просмотру фильма, чтобы так сказать...

Зал ответил ему бурными аплодисментами. Что ни говори, а провожали его всегда с восторгом.

Погас свет. Начался сеанс. Доктор смотрел на руку, которая выводила: «Пользуясь случаем, хочу сказать» (см. главу 1) каллиграфическим почерком, и пытался представить, что смотрят его соседи. Ведь если Гробовщиков был прав (а Доктор играл со своей персональной матрицей, пытаясь периодически менять в ней некоторые детали – например, фамилию лектора), то каждый зритель смотрел свое собственное кино. И только он, Доктор, вынужден был каждый раз смотреть один и тот же фильм до одного и того же момента, а именно до той сцены, когда он входит в кинозал. Если бы фильм продлился дальше, он бы создал множество трудностей и противоречий, которые совершенно не вязались с печально известными Доктору постулатами квантовой механики. Увы, знания не только расширяют, но и сужают мир.

Надо будет сходить в кино, когда эта история подойдет к концу, решил Доктор. С другой стороны, где уверенность в том, что, будучи главным героем, он не будет убит, ведь нет никакой гарантии, что эта история не станет драмой. Он никогда не верил историям с первого взгляда, не досмотрев их до конца. В историях может быть все, что угодно как собственно и в жизни.

Доктор посмотрел на часы. Свободного времени больше не было, и он отправился на вечеринку к другу. Его друг адвокат праздновал очередную победу. Без всяких лекций Гробовщика он сумел построить свою личную матрицу так, что был преуспевающим модным адвокатом: Мир устроен так, что даже на адвокатов бывает мода. Подобно деньгам, он был моден всегда.

Как писал в одной из книг Гробовщиков, относительность времени легче всего наблюдать на вечеринках и званных обедах. Так, опоздав на день рождения, можно прийти значительно раньше времени, а вернувшись раньше с работы, можно понять, что безнадежно опоздал.

Доктор пришел вовремя и, тем не менее, опоздал. Гости уже сидели за столом. Адвокат не любил долго ждать, когда выпивка была на столе. Можно заставлять ждать кого угодно, но только не божественный напиток, – любил говорить он.

– Я застал их врасплох, – хвастался адвокат, – они были готовы ко всему, как им казалось. Но к этому...

Как выяснилось, клиент обвинялся в надругательстве над трупом. Следствие учло все, кроме того, что труп в момент надругательства не был трупом. Это как раз и сумел доказать адвокат, а так как обвинения в убийстве никто не выдвигал, клиент был оправдан.

– Как у тебя с работой? – спросил адвокат Доктора, закончив свой рассказ.

– Терпимо, – ответил доктор.

– Тогда я к тебе пришлю одного клиента.

– Кого?

– Он из прокуратуры.

Доктор поморщился. Он инстинктивно не любил представителей силовых структур, как лиц, наиболее склонных к не спровоцированной агрессии.

– Да нет, он кайфовый мужик.

– Как звать?

– Леденец.

- Хорошее имя для мента.
- Он следователь прокуратуры.
- Тем более. С такой фамилией ему только в президенты баллотироваться.

Глава третья

Автор искренне соболезнует родственникам и близким пищевых продуктов, которые были съедены во время написания этой главы.

*Коня! С конем...
С конем да хоть и в покер!*

Подглава 1

Следователь прокуратуры Леденец сидел у себя за столом и читал анекдоты из расылки, когда поступил телефонный звонок. Убийство. Он неохотно выключил компьютер, надел туфли, – когда его не беспокоили, он любил сидеть босиком, – и вышел из кабинета. По дороге он зашел в туалет, и только после этого спустился вниз, где его уже ждали старые «Жигули» с водителем и прокурором района. Машина долго отнекивалась, приводя всевозможные доводы, но настойчивость водителя (другой машины все равно не было) оказалась сильнее, так что вскоре пару раз чихнув для приличия, двигатель завелся, и машина, бормоча про себя проклятия, отправилась к месту преступления.

По дороге обсуждалась сравнительная характеристика Масыни и жены начальника милиции, которые, по крайней мере внешне, выглядели как близнецы.

Покойный (увы, убийств без покойников не бывает) жил в частном доме в одном из районов светлого будущего. Ворота были открыты, а весь двор заполнили милицейские машины. Приехавшие вошли в дом. Леденец профессиональным взором отметил, чистоту и порядок, которые царили в доме до появления там сотрудников милиции.

К моменту их прибытия по дому уже бродили: дежурная следственно– оперативная группа УВД города в составе: ответственного по УВД, дежурного следователя, дежурного опера и дежурного эксперта– Криминалиста; участковый инспектор милиции; судебный медик; родственники потерпевшего в лице бывшей жены и дочери; два ответственных лица из очень серьезного министерства.

Все, кроме работников министерства, были не в настроении. Родственникам по регламенту надлежало быть скорбными, а сотрудникам милиции и прокуратуры приходилось держать себя в руках, чтобы не ляпнуть чего лишнего (покойный был птицей слишком большого полета, чтобы можно было вести себя обычным образом: с шутками, весельем и пугающим посторонних цинизмом. К сожалению, ни родственники, ни люди из министерства не были расположены к проявлениям здорового юмора, который никогда еще не мешал работе, даже в похоронной компании).

Супруга и дочь покойного сидели в гостиной и сопели носами точно два плохих водопроводных крана. Дочка была симпатичной, но стервозной. Сука, – подумал о ней Леденец, но ничего не сказал. Жена симпатичной не была, что, тем не менее, не мешало и ей быть сукой. Их внешнее несоответствие друг другу не могло не навести Леденца, склонного к бытовой философии, на размышление о капризах и чудачествах природы. Он еще раз ощутил острый приступ досады: присутствие посторонних и ранг покойного делали невозможным обсуждение данного вопроса с коллегами. Выматерившись, опять же не вслух, он решил осмотреть тело в, так сказать, естественной обстановке.

Тело покойного тихо лежало в собственном кабинете на дорогом светлом ковре, который, увы, уже невозможно было бы отстирать. Леденцу стало жаль ковер. Он давно мечтал о таком ковре, но нынешнее положение на служебной лестнице автоматически зачисляло мечту в клас-

сификационный класс несбыточных. Может, поговорить с родственниками, вдруг согласится продать, – подумал Леденец, но, вспомнив выражения лиц жены и дочери, с грустью отогнал от себя эту мысль. Эти мымыры скорее выкинут вещь, чем позволят порядочному человеку...

Рядом с телом стоял мольберт с пришпиленным к нему холстом: настоящим, подготовленным по всем правилам холстом (в этом Леденец хорошо разбирался). На холсте были мозги и кровь покойного. Само существование мольберта в кабинете покойного было столь же уместно, как публикация кодов запуска стратегических ракет на страницах «Правды». Леденец посмотрел на получившуюся картину.

– Великолепно! – вырвалось у него.

Это действительно был настоящий шедевр мирового уровня, достойный украсить собой стены как минимум Эрмитажа. Работа была незаконченной: скорее всего, убийцу кто-то спугнул, трогать же рисунок в таком состоянии было подобно убийству, причем убийству не какого-то там денежного мешка, а произведения искусства, на что эстетически развитый (в этом не было сомнения) преступник пойти никак не мог. Преступнику оставалось только подождать, когда высохнет кровь, вскрыть картину защитным лаком, поставить подпись, и... Удачная продажа такой картины гарантировала вполне безбедное существование в течение долгих лет жизни. Леденец представил, как грязные руки (почему-то он представил себе именно грязные руки) родственников покойного небрежно хватают это величайшее произведение искусства, и его бросило в пот от острой ненависти не только к родственникам покойного, но и к родственникам вообще.

– А вот хрен вам! – сказал Леденец вслух. Картина относится к вещественным доказательствам и подлежит изъятию в интересах следствия с последующей, в интересах же следствия, ее потерей. Леденец уже видел картину на стене у себя дома. – Хрен вам! – повторил он.

– Хрен хрену рознь, – весомо заметил Михалыч, пожилой и очень старательный криминалист.

– Это точно, – согласился Леденец.

– Ты это, Михалыч, – решил он все-таки сказать криминалисту, – проследи, чтобы с холстом тут поаккуратней.

– Будет сделано, – ответил тот и понимающе посмотрел на Леденца.

– Ладно, мне надо поговорить с родственниками покойного, – смутился следователь прокуратуры.

Для беседы была выбрана одна из многочисленных комнат. Кинозал, как пояснила дочь. В комнате был диван, несколько кресел, столик на колесиках, большой телевизор и «домашний кинотеатр».

Бывшая жена (страшная сука) ничего толком не рассказала. Официально они в разводе не состояли, но давно уже жили по отдельности. Виделись редко, исключительно случайно на каких-либо светских мероприятиях. Врагами, как и друзьями не были.

– Обычные чужие люди, – закончила она свой рассказ и закурила дорогую сигарету.

– То есть вы являетесь единственной наследницей? – спросил Леденец.

– Наследницей? Не смешите. В этом доме мне принадлежало практически все. Пожелай я что-либо забрать, он бы даже и пикнуть не посмел.

– Почему вы так в этом уверены.

– Потому что он был как капитан Немо: никто. Он был одной из тех обезьян, кого в людей превращает брак. И он прекрасно все понимал, так что убивать его, если вы именно это имели в виду, у меня резона нет.

– А у кого-нибудь другого, как вы думаете, был резон убивать вашего мужа (его имя я не упоминаю в своем повествовании по тем же соображениям, по которым сотрудники милиции были вынуждены вести себя сдержанно и прилично)?

– Ради денег? Нет.

– А не ради денег?
– А не ради денег... А это уже вне моей компетенции, – сказала она, явно желая прекратить эту беседу.

– Вы позволите еще один вопрос?

– Спрашивайте, – в ее словах было удивление и легкая досада на непонятливость следователя.

– Вы не заметили, в доме ничего не пропало?

– Я давно уже здесь не бывала, чтобы ответить на ваш вопрос. Надеюсь, все?

– Благодарю вас за то, что уделите мне время, – сказал Леденец, чувствуя себя полным идиотом.

Взгляд бывшей жены покойного сказал Леденцу, что она полностью разделяет это мнение.

Дочка (красивая сука) теперь уже тоже бывшая, курила сигару и смотрела куда-то сквозь Леденца, словно его здесь и не было. На вопросы она отвечала по большей части однозначно. Ничего интересного. Леденец уже начал откровенно скучать, как вдруг...

– Она мне не мать, – сказала дочка, когда Леденец в очередном своем вопросе сослался на бывшую жену покойного.

– Что? – переспросил Леденец.

– Она мне не мать. Я – так называемый внебрачный ребенок, который, тем не менее, был усыновлен. Это я говорю для того, чтобы вы больше нигде не раскапывали эту тему. И потом, почему это вас так удивило?

Леденец благоразумно не стал отвечать на этот вопрос.

– Скажите, вы не заметили, в доме ничего не пропало? – вместо этого спросил он.

– Скорее, появилось.

– Что?

– Мольберт. Его раньше не было.

– Вы уверены?

– На все сто. И это странно.

– Ну, может, ваш отец пригласил для чего-то художника?

– Исключено.

– Почему вы так категоричны?

– Отец бы мне об этом сказал. И еще... По-моему не хватает одной шахматной фигуры.

– Вы думаете, это принципиально?

– У отца очень редкие, дорогие шахматы старинной работы. Они стоят в гостиной в специальном шкафу.

– Думаете, кто-то похитил одну шахматную фигуру, когда можно было бы украсть их все?

– Это особенные шахматы, и украдены они особенным человеком.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Почему?

– Потому что уверена, – отрезала она.

– Вы не сказали, какая фигура пропала, – вспомнил Леденец.

– Белый единорог.

– Вы играете в шахматы?

– Немного.

– В шахматах нет единорога.

– В отцовских есть. Все?

– Да, спасибо большое.

– Не за что.

Дочка не снизошла даже до того, чтобы увидеть в Леденце идиота.

– Итак, господа, что мы имеем? – спросил Леденец, когда следственная бригада осталась без посторонних.

Рассматривались пять версий случившегося:

1 естественная смерть,

2 самоубийство,

3 несчастный случай,

4 убийство,

5 результат деятельности инопланетного разума.

Разумеется, каждая из этих версий предполагала свое развитие событий.

Естественная смерть: Узнав о потере редкого шахматного единорога, покойный (в то время еще живой) впадает в отчаяние, в результате чего приобретает мольберт с холстом. Это не помогает. Покойному становится настолько плохо, что у него сами собой заламываются руки (о чем свидетельствовали следы на предплечьях, положение тела и куча медицинских придамбасов) и раскалывается голова. Это происходит возле мольберта.

Самоубийство: Узнав о потере редкого шахматного единорога, покойный (в то время еще живой) впадает в отчаяние и решает покончить с собой. Не найдя подходящего листа бумаги для предсмертной записки, он покупает мольберт с холстом. Последняя искра самосохранения заламывает ему руки в тщетной надежде на спасение, но это не помогает. Покойный сильно бьет себя чем-то по голове. Кровь и мозги попадают на холст – такова его предсмертная записка. В последний момент он избавляется от орудия преступления.

Несчастный случай: Ничего не зная о потере редкого шахматного единорога, покойный (в то время еще живой) не впадает в отчаяние. Вместо этого он решает заняться живописью, для чего приобретает мольберт и холст. В порыве вдохновения он случайно заламывает себе руки, после чего (опять-таки случайно) сильно бьет себя чем-то по голове. Кровь и мозги попадают на холст. В последний момент он куда-то деваает орудие убийства, а также кисти и краски.

Убийство: Убийца принес в кабинет покойного мольберт с холстом, затем заломил ему руки, притащил его к холсту, после чего чем-то тяжелым ударил покойного по голове так, чтобы мозги и кровь попали на холст, затем оставил покойного на ковре, а сам удалился с орудием преступления, прихватив с собой шахматного единорога.

Результат деятельности инопланетного разума: Данная версия обычно не рассматривается, так как она выходит за рамки юрисдикции правоохранительных органов.

– Будем возбуждать, сказал прокурор, имея в виду уголовное дело.

К счастью сотрудников правоохранительных органов, следствие не обязано учитывать теорию множественных вселенных, или модели ЭУГ, разработанную учеными Эвереттом, Уилером и Грэхемом. Иначе им бы пришлось расследовать все возможные варианты как одновременно существующие в разных вселенных.

Подглава 2

Коня судьбе!

На что мне копь? Карету!

– Шахматы с единорогами вместо коней... – Алексей Юрьевич, самый лучший (из доступных) эксперт по шахматам довольно улыбнулся, – это весьма древняя штука...

Он совсем не ассоциировался с шахматами. По крайней мере, в сознании Леденца, которое отказалось напрочь объединять шахматы и образ эксперта. Он был высоким, широкоплечим, атлетически сложенным мужчиной лет сорока пяти. Лицо красивое, умное с чем-то неуловимо семитским в чертах. Голова выбрита наголо. На голове татуировка в виде иероглифа.

Одет в дорогой (баксов 800 не меньше) костюм. Рубашка с запонками в виде пятен кого-то там (есть такой психологический тест) из чистого золота девятьсот какой-то пробы. Часы дорогие, древние.

– Хотите кофе? – предложил он Леденцу.

– Не откажусь.

Эксперт включил в сеть электрическую плитку, на которой стояла жестянка с песком. Кофе подобно котам любит песок, – подумал Леденец и довольно улыбнулся.

– Я не доверяю всякой электрической чертовне, – истолковал его улыбку Алексей Юрьевич по-своему, – кофе должен быть только зерновым и только в турке. Любые иные кофеварки созданы для того, чтобы портить продукт.

– Не буду с вами спорить, – сказал Леденец, который в основном пил растворимую бурду, и то только когда опаздывал на работу. Варить кофе он не умел, да и ленился.

– Шахматы с единорогами... вы знакомы с Пушкиным? – спросил вдруг Алексей Юрьевич.

– Лично? Нет, – как ни в чем не бывало, ответил Леденец.

– Я тоже, к сожалению, нет... Или к счастью.

Последующие рассуждения о гипотетическом личном знакомстве с Пушкиным прервала необходимость приготовления кофе: песок разогрелся до нужной кондиции. Алексей Юрьевич достал из шкафа серебряную турку и две маленькие чашечки. Чашечки он поставил на стол, а турку, наполнив предварительно необходимыми ингредиентами, в песок. По комнате начал распространяться запах.

– Так вот, – продолжил эксперт, когда кофе был сварен, – в свое время эти шахматы принадлежали Пушкину. По одной из версий, на сегодняшний день она самая популярная среди пушкинистов, Пушкину их подарил один из родственников поэта Баркова, о котором неоднократно с уважением отзывался Пушкин.

– Напомните, кто такой Барков? – попросил леденец, делая осторожный глоток.

– Поэт. Барков Иван Семенович. Годы жизни: 1732–1768. Писал печатное и непечатное. К печатному, например, относится перевод сатир Горация и басен Федр. Из его непечатных произведений наиболее известна поэма «Лука Мудищев».

«Луку Мудищева» Леденец знал почти наизусть, даже не предполагая при этом, что знает одно из классических произведений определенного жанра. С Горацием и Федром дела обстояли несколько хуже.

– Как эти шахматы очутились у родственника Баркова, эта версия не объясняет, – продолжил рассказ Алексей Юрьевич.

– Что говорит об этом вторая версия?

– Вторую версию, если честно, предложил я. Согласно этой версии шахматы Пушкину достались от его африканского предка.

– А разве в Африке были шахматы?

– В этом все дело! Считается, что родина шахмат – Индия. В Индии они появились в первые века нашей эры в виде военной игры чататуранги. Чататурангой назывался строй войска, включавший боевые колесницы (ратха), слонов (хасты), конницу (ашва) и пеших воинов (падати). О том, как развивались шахматы в дальнейшем, можно прочитать практически в любой энциклопедии, но о том, что предшествовало появлению первых индийских шахмат, практически ничего нет. А дело в том, что около 50 тысяч лет назад существовала некая цивилизация, которая распалась на несколько крупных древних осколков, таких как Египет или Индия. Об этом тоже написано более чем достаточно, но о чем практически нет информации, так это о том, что в Африке тоже была развитая цивилизация, погибшая по неизвестным в наши дни причинам. И в африканской цивилизации были шахматы, причем с единорогами вместо коней.

- Хотите сказать, что этим шахматам несколько тысяч лет?
- Не самим шахматам, а идее игры. Но в Африке шахматы не были игрой. Для древних африканцев – это был предмет культа, доступный только в высших эшелонах жрецов. Африканцы видели в этой игре способ обмануть богов.
- Интересно, а сейчас этот культ существует?
- Кто его знает. В мире полно тайн.
- Другими словами убийцей может быть очередной представитель жреческой верхушки?
- Это уже вам видней. Я детективами не увлекаюсь.
- Я думал, что шахматисты любят детективы.
- Кто как.
- Было приятно с вами побеседовать.
- Мне тоже.

Леденец посмотрел на часы. Он тютелька в тютельку успевал на психотерапевтический сеанс, куда его записал приятель-адвокат. Человек, с которым Леденец в быту очень даже замечательно дружил, тогда как в профессиональной сфере они были злейшими противниками.

Выйдя на улицу, Леденец попытался поймать такси, что удалось ему с первой попытки. В последнее время автомобили с забавными шашечками на оперении стали трогательно ручными, и шли к человеку совершенно безбоязненно. Конечно, среди людей были и мерзавцы, которые, воспользовавшись доверием таксистов, пытались обидеть их, оскорбить, прокатиться на халяву, а совсем уже отъявленные негодяи даже пытались грабить и убивать. Но, несмотря на это, голод заставлял таксистов вновь искать общество людей.

Сев в машину, Леденец назвал адрес: вполне нормальное поведение человека в такси.

Подглава 3

*Поведай о коне мне,
Друг Горащий*

Ничто так не увеличивает объем книги, как вставленные в текст стихи!

*В огонь и воду я пойду за друга!
В огонь и воду?! Я?! Пойду за друга?!
В огонь и воду не на мониторе?!
Не в кинофильме?! И не понарошку!
За друга?! Я?! Не уступив дорогу?!
Так сколько ж это надо выпить водки?!
Или какой паленой хапнуть дури?!
Чтобы за друга так вот без страховки
Без спецкостюма или без дублера?!
За друга, на халяву, не за бабки?!
В огонь своей родной живою плотью?!
Сгорю иль утону во имя друга?!*

*А он что, сволочь, это мне позволит?!
Отправит на погибель, на мученья?!
И будет опиваться кока–Колой,
Пока в огне страдать я буду страшно?!
Иль станет обжираться он поп–Корном,
Когда я встречу смерть свою в пучине?!*

*Так может ли тогда назваться другом
Сей человек? А ежели не может,
Тогда зачем мне умирать во имя?!
Черт знает за кого с такою болью?!
Иль ежели он друг, то не позволит?!
А если так, то я и сам не ринусь
Ни в пламя, ни в пучину, ни в болото,
А лучше я схожусь еще за пивом!*

*Зачем перечить другу?!
В этом дружба!*

Доктор меланхолично смотрел в окно и писал стихи. Стихи он обычно писал, ожидая клиента. Доктор любил поэзию вообще, но предпочитал наслаждаться результатом собственного гения. Возможно, он бы наслаждался и поэзией других, склонных к творчеству лиц, если бы читал еще чьи-то стихи, чего он не делал уже несколько лет. Когда-то давно, в романтической юности он зачитывался стихами. Это позволяло ему выглядеть окрыленным в нежных девичьих глазах. Девушки таяли от страстных, гениальных слов, и отдавали ему то, за что другие, менее поэтически его товарищи вынуждены были платить немалые деньги. Так еще в юности Доктор понял, что любовь и поэзия неразлучны.

Позже, когда страну захлестнул бум творчества, Доктор тоже перешел на стихи собственного производства: он предпочитал прогрессивных девушек, а с ними надо было лежать в ногу со временем.

В те времена как раз и родился его первый шедевр, посвященный будущей профессии:

Каждый день, каждый день, каждый день
Хренотень, хренотень, хренотень
Каждый день, каждый день хренотень
Каждый день хренотень, хренотень

Были и другие варианты этого стихотворения. Например, вот этот:

Каждый день, каждый день, каждый день
Каждый день, каждый день хренотень
Каждый день хренотень, хренотень
Хренотень, хренотень, хренотень

Второй вариант стиха был более совершенным с позиции структуры, но Доктору, для которого важна была суть поэзии, а не форма, он нравился значительно меньше.

Как я уже сказал, Доктор с меланхоличным видом смотрел в окно. Так он был устроен: отсутствие клиента вызывало желание писать стихи, процесс творчества вызывал легкую меланхолию, которая весьма нравилась Доктору, бывшему в душе декадентом. Меланхолия, в свою очередь, вызывала желание сидеть и смотреть в окно – замкнутый круг, который можно было разорвать только извне, например, позвонив в дверь.

В дверь позвонили. Доктор посмотрел на большие настенные часы. Во время, – подумал он, вставая, чтобы открыть дверь. Клиент был даже дважды во время: во-первых, он пришел вовремя по часам, а во-вторых, вовремя, так как Доктор как раз только что закончил стихотворение о дружбе. Это был хороший знак, несмотря даже на то, что Доктор в знаки не верил. Не верил в знаки и стоявший за дверью в ожидании Доктора Леденец.

- Здравствуйте, – сказал Леденец, когда входная дверь открылась.
- Здравствуйте, – ответил Доктор.
- Мне нужен доктор.
- Это я.
- Я – Леденец.
- Входите.

Действительно Леденец, – подумал Доктор, избавив тем самым автора от поиска предлога для описания внешности Леденца.

Леденец: Высокий, склонный к полноте, розовощекий, черноволосый, легко краснеющий человек. Чуть не забыл указать возраст. Леденцу было сорок.

- Слушаю вас, – сказал Доктор, когда Леденец устроился в кресле.
- Даже и не знаю... – Леденец робел и нервничал, – я в первый раз у психиатра.
- Я, скорее, психотерапевт.
- Вот.
- Так что вас привело?
- Кошмар, доктор.
- Как часто он повторяется?
- Каждый раз, когда я подбираюсь к раскрытию дела.
- Очень интересно. И давно это у вас?
- Уже более 10 лет.
- И вы ни разу ни к кому не обращались?
- Я не мог этого сделать. И вы поймете, почему.
- Расскажите.
- Каждый раз, когда я почти раскрываю дело, появляется он.
- Кто?
- Я не знаю. Он в маске. Всегда подкрадывается сзади и бьет меня ножом в спину.
- Неприятно, наверно.
- Не то слово. Но самое ужасное то, что перед тем, как я умираю, он открывает свое лицо.

Каждый раз я вижу его лицо перед смертью, и каждый раз забываю. Это ужасно.

- Понимаю.
- Нет, доктор, вы не понимаете. Если бы я мог вспомнить это лицо... Мне кажется, что мы знакомы... И если бы я смог вспомнить...
- Думаете, это помогло бы вам избавиться от кошмара?
- Тогда я смог бы его остановить и довести, наконец, расследование до конца.
- Хотите сказать, что из-за кошмара вы не можете доводить расследование до конца?
- Конечно.
- Но почему?
- Потому что меня убивают.
- Стоп. Как может убийство во сне...
- Это не сон!
- Не сон?
- Не сон.
- Ничего не понимаю, – сказал Доктор и встал на ноги.

Наиболее благоразумной была мысль о том, что человек, способный заявить подобное на полном серьезе, говоря по-русски, не совсем дружит с головой, но, глядя на Леденца, Доктор чувствовал, что он говорит правду.

- Думаете, я сумасшедший?
- Если честно, то именно этот вывод я должен был бы сделать. Но я вам верю, сам даже не знаю, почему.

– Спасибо, доктор!

Скупа мужская слеза крадучись скатилась по щеке Леденца.

– Вы сможете мне помочь?

– Постараюсь. Вы что-нибудь слышали о моделировании реальности?

– Боюсь, что нет.

– Не надо бояться. Это новое направление в медицине и философии.

Леденец весь превратился в слух.

– Я думаю, нам надо организовать группу по моделированию новой реальности.

– Если это поможет, я только «за».

– В таком случае я сообщу вам о месте и времени дополнительно.

– Буду вам очень признателен.

В кармане Леденца проснулся и зазвонил телефон.

– Извините, – сказал Леденец, – дело том, что я не могу отключить эту штуку.

– Я понимаю, работа...

– Не в этом дело. Я забыл, где находится нужная кнопка, поэтому приходится всегда отвечать на звонки.

– Может, вы ответите? – спросил уставший от назойливого телефона Доктор.

– Да, конечно.

– Леденец, где ты? – услышал он голос начальника.

– Занимаюсь расследованием, – уклончиво ответил следователь.

– Хреново занимаешься.

– Что-то произошло?

– Пропала картина.

– Какая?

– Та самая. Из мозгов.

Трубка выпала из руки Леденца. Его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, ему было до слез жаль расставаться с картиной, которую он давно уже прикарманил в своих мечтах, с другой, он был искренне рад, что никто из родственников покойного (которых он искренне невзлюбил) не будет обладать этой бесценной вещью.

– Извините, – повторил он, – мне надо идти.

– Конечно, – ответил Доктор, который часто демократично соглашался с клиентами, – оставьте номер, я позвоню.

– Чуть не забыл, – пробормотал Леденец, доставая из потертого бумажника визитную карточку, – можете звонить в любое время суток.

Глава четвертая

Автор искренне признается в том, что не нашел, что сказать по поводу данной главы.

Бога нет, – говорят атеисты, услышав краем уха, что его нет дома.

Подглава 1

Мстислав Ерофеевич Зверь был по своей природе милым, спокойным человеком, любящим посидеть за чаем с томиком Горация, поразмышлять об истоках вдохновения Тютчева, или, на худой конец, посмотреть что-нибудь из немецкой порнушки, желательно в обществе милых и не очень дорогих дам. Подобный эпикурейский образ жизни продолжался у него не долго: до двадцати шести летнего возраста, и окончился благополучным вступлением в брак с некоей Софьей Германовной Штоц, которую он встретил годом раньше и разу же влюбился по уши.

Если честно, то автор совершенно искренне не понимает значения этого устойчивого выражения. Как показывает (какой есть) опыт автора на любовном поприще, влюбляешься обычно по самые, но совсем не уши. Если же речь идет о считающемся неприличным поцелуе (думаю, читатель понимает, о чем я говорю), то уши здесь тем более не причем.

Несмотря на это, весьма уместное авторское отступление, Мстислав Ерофеевич влюбился в нее по уши. Весь этот год ежедневно (ночи, будучи человеком практичным, Зверь посвящал просмотрам порнушки в обществе недорогих дам) он добивался ее любви, а когда добился... Но не будем забегать вперед.

В общем, они поженились. Первое время жили душа в душу (надо заметить, тоже еще та терминология). Мстислав Ерофеевич безумно обожал супругу, которая, несомненно, тоже испытывала к нему какие-то чувства. С родителями супруги он тоже довольно-таки легко сошелся характером. В общем, мир и покой в доме (жили они у ее родителей, чей дом мог без труда вместить еще полсотни человек).

Будучи весьма уважаемым человеком в городе, тесть нашел ему подходящее место...

Неприятности Мстислава Ерофеевича начались с разговора с тестем.

– Мстислав, нам надо поговорить, – сказал он весьма дружелюбным тоном, – пойдем, наверно, покурим.

Они вышли во двор, тесть угостил Мстислава настоящей американской сигаретой, Мстислав вежливо дал ему прикурить, затем прикурил сам.

– Сколько ты уже с Софушкой? – спросил тесть, который любил подкрадываться издалека и сзади.

– Скоро год, – ответил Мстислав.

– Скоро год... – задумчиво повторил тесть, – тебе нравится наша дочь?

– Еще бы!

– Еще бы... Год назад мы приняли тебя в семью, с тех пор ты для нас как сын родной.

Это было действительно так. Редко когда к зятю относятся таким образом. Мстислав с этим тоже был вполне согласен.

– Так вот, Мстислав, то, что ты стал одним из нас, возлагает на тебя определенную ответственность. Ты согласен?

– Угу.

– Ты знаешь, о наших национальных и культурных корнях?

– Я с большим уважением отношусь к этому народу, который, несмотря на все гонения и невзгоды, выжил и занял почетное место в обществе.

– А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что мы сильны верой и традицией.

– Вы совершенно правы.

– А если я прав... Честно говоря, я думал, ты сам догадаешься и проявишь инициативу, но по-видимому ты думал о других вещах, и я сам решил тебе все сказать. Ты знаешь, что Софочка – наша единственная дочь, наша надежда, надежда всего нашего рода.

– Я понимаю.

– А если ты понимаешь, ты сам должен сказать ей, что хочешь принять нашу веру.

Мстислава бросил в жар. Он никогда не был религиозным фанатиком или воинствующим атеистом, но подобный шаг требовал от него большего, чем уволиться у одного бога и поступить на службу к другому: ОН ДОЛЖЕН БЫЛ СОВЕРШИТЬ ОБРЕЗАНИЕ! Обрезание милого органа, который, положила руку на сердце, Мстислав очень любил. Тот орган Мстислав считал своим единственным верным другом, предать которого... было БОЛЬНО! А боли, физической боли, он боялся больше всего на свете.

– Извините, – сказал он, побледнев, – но я вынужден сказать «нет».

– Нет? – удивился тесть.

– Дело в том, что я тоже ценю традиции своего народа.

– Однако же это не помешало тебе жениться на Софье, войти в наш дом. В наш! Ты пришел в наш народ, а не...

– Я все понимаю...

– Что ты понимаешь? Думаешь, я позволю, чтобы потомками нашего рода стали необрезанные гой?

– Но почему я должен калечить свое мужское достоинство?

– Достоинство? И ты ставишь кусок мяса выше интересов семьи?

– Вам легко говорить, это не ваше мясо.

– Я обрезан.

– Все правильно. В детстве. Потому что в зрелом возрасте только сумасшедший станет себя добровольно увечить ради какой-то древней глупости! – завизжал вдруг Мстислав.

– Ах вот оно что, ты просто чмо! Ты не гой, ты – необрезанный филистимлянин, – сказав это, тесть вошел в дом.

Мстислав понуро поплелся следом. Ему было муторно.

Жена, милая, обожаемая Софушка, лежала в постели и читала книгу. Вот оно – настоящее счастье, подумал Мстислав, и как можно ласковее приблизился к жене.

– Чего тебе? – зло спросила Софья.

– Мр-р, – по инерции ответил Мстислав.

– Пошел вон, урод, я с филистимлянами не сплю!

В эту ночь ему пришлось ночевать на диване в гостиной. Утром, набравшись храбрости, он вошел в кабинет тестя.

– Чего тебе? – просил тот, не глядя на Мстислава.

– Я хочу развестись.

– Не понял? – сказал тесть и как-то неприятно на него посмотрел.

– После того, что случилось, думаю, нам с Софьей лучше развестись.

– Забудь об этом, – отрезал тесть.

– Но почему?

– Потому что с филистимлянами не разводятся. С ними сражаются не на жизнь, а на смерть.

– Тем более.

– Ты можешь, конечно, подать на развод, но как ты собираешься жить?

– Ну жил же я как-то раньше.

– Раньше, – тесть рассмеялся, – не думаешь же ты, что я оставлю тебя просто так в покое?

– Почему?

– Потому что ты – говно, которое прилипло к моему ботинку. Что в таком случае делают с говном?

Это была откровенная угроза, и Мстиславу ничего не оставалось, как отправиться к себе на службу (так он называл работу).

Я не стану описывать все те муки, которые пришлось перенести Мстиславу Ерофеевичу в доме тестя.

Скажу только, что тесть уволил всю многочисленную прислугу, а также нескольких рабочих, работающих во дворе.

– Зачем платить чужим голям, когда есть свой необрезанный филистимлянин, – прокомментировал он свой поступок.

Так вот, дошло до того, что душевные муки Мстислава Ерофеевича значительно превзошли вероятные муки телесные, и, будучи в состоянии алкогольного опьянения он решил... Он заявился к знакомому хирургу, и не отстал от него, пока тот не надругался над лучшим и единственным другом Мстислава Ерофеевича.

Вернувшись домой, Мстислав Ерофеевич, не раздеваясь, ввалился в кабинет к тестю.

– Я сделал это! – радостно заявил он, несмотря на боль.

– Что ты сделал? – поморщился тесть.

– Я стал одним из вас.

– И каким же это образом, позволь полюбопытствовать? – спросил тесть таким тоном, что в комнате запахло желчью.

– Я сделал обрезание.

– Покажи.

Мстислав Ерофеевич снял штаны.

– Какая гадость!

– Но ведь вы сами...

– И ты смел подумать, что это позволит тебе... – от негодования тесть так и не смог сформулировать, что это должно было позволить Мстиславу Ерофеевичу.

– Вы же сами говорили...

– Я говорил, когда думал, что ты – человек! Неужели ты думаешь, что я приму мразь, подтирающую мне зад по субботам? Ты еще хуже, чем я думал. Ты даже не чмо... ты... ты... Ты обрезанный филистимлянин! Пошел вон с глаз моих. Отныне ты будешь жить в сарае за гаражом!

Мстислав попытался найти защиту у жены, но она даже слушать его не стала.

– Я думала, ты мужик, а ты...

– Но что я мог?

– Послать папика на х...

– Чтобы он меня уничтожил?

– Дурак, он бы только начал тебя больше уважать, а теперь... Иди в сарай с глаз моих!

– Ты никогда меня не любила! – бросил он через закрытую дверь и отправился спать в сарай.

Но все это было прелюдией к настоящему горю Мстислава Ерофеевича, которое (горе) случилось с ним во время третьей ночевки в сарае.

Надо заметить, что сарай, куда был сослан Мстислав Ерофеевич, был чистым, просторным и теплым. Отапливался он из дома, с которым был соединен единой системой парового отопления. В сарае были стены, крыша, пол из крашенных досок и кое-какая мебель, включая старый диван, на котором теща лишилась девственности, о чем свидетельствовало забавного вида пятно. Диван, как и пятно, решено было оставить на память в качестве милого сердцу сувенира. На этом диване и встретил Мстислав Ерофеевич свое горе, явившееся ему в виде сна:

Подглава 2

Конь судьбе не товарищ, но брат.
Народная мудрость

Было жарко, несмотря на то, что солнце клонилось к горизонту. По неприятному привкусу во рту Мстислав Ерофеевич понял, что скоро начнется суббота. Местность была пустынная, голая. Было пыльно. Он стоял в пижаме и тапочках у подножья небольшой горы. От его ног в гору вела тропинка. Рядом, чуть сбоку, за большим старинным письменным столом сидела молодая красивая женщина. Секретарша.

– Вас ждут, – сказала она и как-то укоризненно посмотрела на Мстислава.

– Спасибо, – буркнул он и бросился в гору, чтобы как можно быстрее убраться из зоны этого укоризненного взгляда, жгущего сильнее жаркого солнца.

Пижамы сразу же промокли насквозь от пота, а неспортивный образ жизни Мстислава Ерофеевича сказывался болью в боку и сильной одышкой. Он никак не мог заставить себя дышать ритмично, и его легкие работали в хаотическом режиме. Сильно хотелось пить, но воды нигде не было.

Забравшись, наконец, на гору, он увидел три здоровых деревянных креста грубой работы, на каждом из которых висело по человеку. Тот, что висел посередине, поднял голову и укоризненно посмотрел на Мстислава.

– Здравствуй, Мстислав, – сказал он.

– Здравствуйте.

– Не узнаешь меня, хотя куда тебе, ты же меня забыл, продал.

– Мы разве были знакомы? – спросил Мстислав, который действительно не узнавал человека на кресте.

– Мы были знакомы, но теперь ты делаешь вид, что совершенно меня не знаешь.

– Кто ты? – спросил Мстислав, краснея.

– Я тот, от кого ты отрекся.

– Когда?

– Когда сделал вот это.

Перед Мстиславом появились носилки (их держали два крепких мужика), на которых лежал его детородный орган, покалеченный непослушной рукой пьяного хирурга.

– Его-то ты хоть узнаешь? – спросил человек на кресте.

– Прости, – сказал Мстислав органу и заплакал.

– Он еще плачет, чмо! – ответил поруганный орган голосом тестя и сплюнул.

Мстислав почувствовал, что его пижамные штаны стали липко-мокрыми.

– Ты чмо, Мстислав, – ласково повторил за членом человек на кресте, – ты самое настоящее чмо. Ты настолько чмо, что даже не замечаешь своей чмошности. Ты чмо и предатель. Ты предал своего единственного друга, предал меня. Это я две тысячи лет назад согласился принять мучительную смерть, чтобы ты, Мстислав, мог гордо носить свой не оскверненный ножом орган, и что же ты сделал? Что?

В груди Мстислава вдруг проснулось то, о чем он даже и не подозревал, а именно совесть. С жадностью голодного хищника совесть накинулась на жалкую душонку Мстислава.

– Прости меня! – закричал он, падая на колени перед крестом.

– Простить? А вот хрен тебе!

Мстислав завопил на всю гору.

– И ты орешь здесь, как баба, перед моими глазами, перед глазами тех, кто достойно встретил мучения, перед глазами... – не найдя нужных слов, он закашлялся.

– Убирайся! Иди дальше лизать жопы своим новоиспеченным пархатым родственникам.

После этих слов Мстислав упал с дивана и проснулся. В окно объективом кинокамеры светила луна.

Мстислав отчетливо осознал всю свою чмошность.

– Нет! – закричал он нечеловеческим голосом и выбежал из сарая.

На бельевой веревке во дворе сушилось какое-то тряпье. То, что надо! Мстислав с решительностью никчемного человека сорвал веревку и неумело (он впервые пытался повеситься) соорудил петлю. Где? Он лихорадочно осмотрелся. Любимое дерево тестя! Ну конечно же... Не найдя табуретки, он забрался на дерево, выбрал надежный сук, закрепил веревку, надел на шею петлю и спрыгнул. Больно резануло шею, что-то хрустнуло в спине... Немного задержавшись в воздухе, Мстислав грохнулся на землю. Веревка оборвалась.

– Ты даже повеситься не можешь по-человечески, – услышал он над собой голос жены, – какой же ты мужик после этого.

– Будьте вы прокляты! – закричал он и бросился со двора.

Подглава 3

Судья в борделе

Больше чем судья

Все это время, пока Мстислав рассказывал о своих мытарствах, Доктор задумчиво кивал головой. Это было очень профессионально с его стороны. Никогда не мешает дать высказаться клиенту, по крайней мере, по трем причинам: высказав все, что накопилось, клиент сразу чувствует себя лучше; во время своей болтовни клиент может сказать что-то интересное или полезное; учитывая повременный характер работы психотерапевта, подобная тактика позволяет зарабатывать, особо не напрягаясь.

– Что мне делать, доктор? – совершенно поникшим голосом спросил Мстислав и заплакал.

– Все зависти от того, чего бы вы хотели.

– Я хотел бы стать человеком.

– А сейчас вы кто?

– Никто.

– Никем, дружище, был в свое время Будда. Не хотите же вы сказать...

– О нет! Я ничтожество, вошь, гнида.

– Значит вошь? – спросил Доктор.

– Вошь, – согласился Мстислав.

– Ладно, – сказал Доктор, доставая с полки словарь, – читайте.

«ВОШЬ, вши, тв. вошью, мн. вши, вшей, ж. Мелкое бескрылое кровососущее насекомое, паразит на теле животного, человека.»

– Но... – попытался, было, возразить Мстислав.

– А теперь подойдите к зеркалу.

– Я понял, доктор...

- Что вы поняли?
- Я недостоин называться вошью.
- М-да...

Доктор ожидал совсем иной реакции, но таков удел психотерапии.

- Я даже не вошь, – повторил он.
- У меня слишком дорогой стеклопакет, так что если опять захотите покончить с собой, просьба не выпрыгивать у меня из окон.

- Хорошо, доктор.
- Есть у меня к вам одно предложение.
- Правда! – отчаяние Мстислава сменилось надеждой.
- Результат я, правда, гарантировать не могу, но попробовать стоит.
- Я готов.

– Я предлагаю вам принять участие в одной экспериментальной психотерапевтической группе.

- Доктор, я согласен на все!
- Тогда ожидайте звонка.
- Спасибо, доктор.
- Пока еще рано благодарить.
- Все равно, доктор...

Глава пятая

Скорее поучительная, чем прикольная. причем настолько маленькая, что автор решил не разбивать ее на подглавы

Судья судьбе глаз не высудит

Услышав: «ВОЗЛЮБИ!», одни изобрели Камасутру, другие – инквизицию

Закончив прием, доктор сладко потянулся, затем снял телефонную трубку.

– Слушаю вас, Доктор, – услышал он приятный мужской голос, когда необходимый ритуал общения посредством телефонной связи был выполнен.

– Как дела, Пой?

– Ничего.

– Ты сегодня не занят?

– Хотите как обычно?

– Думаю, да.

– Мне потребуется минут сорок.

– Договорились.

Приняв душ и одевшись соответствующим образом, Доктор покинул дом.

У подъезда дома его ждал самый настоящий китайский рикша с самой настоящей китайской повозкой. Рикшей был Пой – бедный китайский студент, решивший получить образование в России. Пой был должен Доктору за лечение от импотенции крупную сумму, которую и отработывал извозом.

– Куда двинемся на этот раз? – спросил Пой, когда Доктор сел на пассажирское место.

– Куда-нибудь промочить горло.

– Желаете отдохнуть от бесконечной вереницы тупоголовых уродов?

– В точку! – ответил Доктор, который классифицировал своих клиентов как нечто среднее между геморроем и родственниками. От родственников и геморроя клиенты имели два отличия: они платили деньги и не были чем-то личным. В остальном удовольствие от общения с ними было таким же, как и от пребывания среди родственников.

Минут через двадцать неторопливого бега (Доктор был снисходителен к своему рикше), тележка остановилась возле небольшого бара, где собирались не богатые представители воспитанной части человечества.

– Зайдешь? – спросил он рикшу.

– А тележка?

– Пусть припаркуют. Здесь бесплатная стоянка.

Войдя внутрь, Доктор заметил у стойки Любящего, который сосредоточенно разглядывал содержимое своего пивного бокала.

– Привет, – сказал ему Доктор.

– Привет, – ответил Любящий.

– Как дела?

– Как обычно. А у тебя?

– Да тоже, слава богу, без особого разнообразия.

– Все промываешь мозги?

– Приходится. А ты продолжаешь ни хрена не делать?

– Как видишь.

Это действительно было видно. Выглядел Любящий, надо сказать, хреново. Было ему около сорока, но из-за постоянного пьянства выглядел он значительно старше. Одет он был в рваные джинсы и замызганную куртку. На ногах были старые, стоптанные кроссовки. Волосы короткие, всегда не причесанные. Лицо небритое, но приятное.

Несколько веков назад, он прибыл на землю из-за безграничной любви ко всему живому, и с тех пор не вылезал из питейных заведений.

В бар вошел Пой.

– Все нормально, – сказал он Доктору.

– Знакомьтесь: Пой. Любящий.

Странное имя, подумал Пой, но вслух не сказал.

Странное имя, – одновременно с ним подумал Любящий, но тоже не стал произносить этого вслух.

– Пой – самый лучший в городе рикша, – сказал Доктор, и это была истинная правда. Пой был единственным городским рикшей.

– Ты всегда ездешь на рикше?

– По мере возможности. С детства мечтал о рикше. Представь себе: светское мероприятие, все на лимузинах, и тут я на рикше.

– А если далеко?

– У меня есть знакомый водитель небольшого фургона. Он останавливается за пару кварталов, а там уже на рикше.

– Есть еще велорикши.

– Это не то. Велорикша – это уже транспорт, тогда как просто рикша – это нечто вроде волшебной палочки. Стоит ей взмахнуть, и мир становится совсем иным.

– Для этой цели есть папиросы.

– Ты безнадежно прозаичен.

– А ты чем занимаешься? – спросил любознательный Пой у Любящего.

– Мой удел любить все и вся.

– Ты не похож на правительство, – с сомнением в голосе сказал Пой.

– Он имеет в виду высшее духовное состояние сопричастности, а не сексуально– Общественное извращение с финансово– Властной подоплекой, – пояснил Доктор.

– Значит, ты любишь все и вся без разбора?

Любящий согласно кивнул.

– И как ты это делаешь?

– Что?

– Любишь?

– Он столкнулся с невозможностью действия из соображений всеобщей любви, – ответил за него Доктор.

– чего-то не пойму я вас, ребята.

– Я ничего не делаю, и в этом моя любовь.

– Странная у тебя любовь.

– Это потому, что я всемогущий, как бог.

– Ты всегда так аргументируешь?

– Всепроклятие всемогущества заключается в том, что я вижу всю череду последствий каждого своего шага.

– Все равно не понятно.

– Любой поступок имеет последствия.

– Согласен.

– И эти последствия ужасны.

– Всегда?

– Сначала я пытался исцелять немощных, но, исцелившись, они становились сильными и начинали угнетать других, затем я пытался дарить людям знания, но люди отбрасывали все, что не приносило им ежеминутной выгоды.

– Мог бы начать помогать рыбам или деревьям.

– Я думал над этим.

– И?

– Для этого пришлось бы уничтожить человечество.

– Ну и хрен с ним. Думаю, никто бы не был в обиде.

– Да, но людей я тоже люблю!

– А ты никогда не пробовал лечиться?

– От любви спасения нет.

– Знаешь, не так давно я не мог заниматься любовью, и Доктор меня вылечил. Думаю, у тебя такая же проблема. Что скажешь, Док?

– Я сейчас набираю одну психотерапевтическую группу.

– Я тебя найду, – сказал Любящий.

– Вот увидишь, – продолжил Пой, – скоро ты излечишься и будешь как все нормальные люди тихо ненавидеть человечество.

– Ты ненавидишь людей? – спросил Любящий у Поя.

– Я человек маленький, поэтому терпеть не могу какой-то десяток – другой ближних: соседей, кое– Кого из родственников, некоторых преподавателей, пару тройку представителей пролетарствующего быдла, налогового инспектора, милицию, некоторых чиновников, но ели бы я мог безнаказанно отправить их на небеса... Люди подобны Гидре: чем больше ты их пропалываешь, тем интенсивнее они растут.

На этой далекой от гуманизма ноте я и закончу главу.

Постскрипtum: Необходимость постскриптума заключается в том, что особо занудливые читатели наверняка обратили внимание на кажущееся противоречие, касающееся возраста Любящего. Ему было около сорока, но прибыл на землю он несколько веков назад. Так вот, уважаемые зануды, поясняю: Он прибыл несколько веков назад, приняв облик сорокалетнего мужчины, и в этом облике дожил до наших дней.

Глава шестая

В которой автор надеется, что приоткрывает завесу над тайной непорочного зачатия и отдает дань драматургии

Судья судьбе не судья

Сцена. На сцене два кресла, чуть в отдалении письменный стол с компьютером. Это минимализированная модель кабинета Доктора. С другой стороны сцены в удобном, еще раз подчеркиваю, в удобном кресле сидит автор. Он пьет что-то вкусное и немного лениво наблюдает за происходящим на сцене. Нужен ли автор на сцене или нет, сам автор пока что не знает – глава еще даже не началась, но в любом случае, вреда от него не будет. В кабинете Доктора пока никого...

Прошу прощения! Виноват! Я забыл указать действующие лица.

Итак:

Автор (в первую очередь и с большой буквы).

Доктор (Вы его уже знаете по предыдущим главам).

Относительно юная особа в белом халатике (она тоже уже была)

Машенька. Этот персонаж появляется впервые, поэтому требует подробного описания. Учитывая специфику роли и то, что автор не является поклонником Пазолини, она должна быть юной, красивой и неплохой актрисой.

В кабинет входит Доктор. Он садится в одно из кресел. Доктор смотрит на ручные часы, которые, тем не мене, на всякий случай, связаны ремнем. Этим же ремнем они привязаны к руке Доктора. И это еще вполне гуманное обращение с часами, потому что многие, даже считающие себя демократичными, люди заковывают часы в браслеты, несмотря на то, что те служат им верой и правдой. Итак, Доктор смотрит на часы. Время есть. Он задумчиво прикрывает глаза. Свет становится чуть более приглушенным.

В кабинет входит относительно юная особа в белом халатике.

Особа: К тебе пришли.

Доктор: Вводи.

Особа выходит. В кабинет входит Машенька.

Машенька: Здравствуйте, доктор.

Доктор, вставая: Здравствуйте.

Машенька: Я договаривалась по телефону...

Доктор: Проходите, присаживайтесь.

Машенька садится в кресло. Доктор садится следом.

Машенька, нервничая: Я даже не знаю, доктор. Тема настолько щекотливая, что я, право, не решаюсь.

Доктор: Может, для начала вы назовете имя?

Машенька: Машенька.

Доктор: Очень милое имя.

Машенька: Спасибо.

Доктор: Поверьте моему опыту...

Автор, перебивая Доктора: Доктор забыл ее имя, поэтому вынужден выкручиваться, хотя для него это не ново.

Доктор, раздраженно: Можно продолжать?

Автор: Продолжайте.

Доктор: Так вот, поверьте моему опыту, в нашей стране просто так никто не пойдет к психотерапевту.

Машенька: Моя проблема необычного интимного плана.

Доктор: По крайней мере, вы можете рассчитывать на сохранение ее в секрете, если, конечно, некоторые (смотрит в зрительный зал) не будут слишком много трепаться.

Машенька: А разве нам можно разговаривать со зрителями?

Автор: Ни в коем случае.

Доктор: Кто это сказал?

Автор: Я.

Доктор: А ты, собственно, кто?

Автор: Я – автор.

Доктор: Тогда не спорю.

Автор: Продолжайте.

Доктор: Надеюсь, я вас убедил?

Машенька: Видите ли, Доктор, я не могу расстаться с девственностью.

Доктор: Поясните.

Машенька: Я не могу лишиться девственности. Моя девственная плева обладает феноменальными способностями к регенерации. Она восстанавливается в течение суток. Где я только ни была: безрезультатно.

Доктор: А вы не пробовали смириться?

Машенька: Так мне же больно. Каждый раз. И кровь. Правда, я смогла на этом заработать. Знаете, сколько еще идиотов, готовых выкидывать кучу денег, чтобы порвать своим детородным органом эту тоненькую пленочку.

Доктор: Вандализм, помноженный на самолюбие.

Машенька: На дешевое самолюбие, доктор.

Доктор: У меня нет достаточного опыта в этом вопросе, я имею в виду опыт общения с подобными типами.

Машенька: Зато у меня он слишком богатый.

Доктор: Чем я могу вам помочь?

Машенька: Мне сказали, что это – психосоматика.

Доктор: Кто это вам сказал?

Машенька: Один гинеколог.

Доктор: Понахватались.

Машенька: Доктор, посоветуйте мне что-нибудь!

Доктор: Я не советую. В психотерапии это считается плохим тоном.

Машенька: Я знаю, мне говорили.

Доктор: И, тем не менее, просите совета.

Машенька: Но вы можете посоветовать мне как частное лицо?

Доктор: В рабочее время?

Машенька: Не будьте таким педантом.

Доктор: Хорошо. Вот только... Вы не пробовали дать объявление в газету? что-то вроде... «Молодая, красивая особа женского пола ищет плотника еврейской национальности по имени Иосиф»?

Машенька: Вам все шуточки?

Доктор: Я серьезно.

Машенька: Не хочу. К тому же та история плохо закончилась, а я устала уже от приключений.

Доктор: Тогда мне остается только пригласить вас на психотерапевтическую группу по модуляции реальности.

Машенька. Сколько это будет стоить?

Доктор: Вы справитесь.

Машенька, кокетливо: Ну, если вы так считаете.

Доктор: Именно так.

Машенька, дает Доктору визитку: Вот мой номер.

Доктор: Я позвоню.

Машенька: Обязательно позвоните.

Занавес.

Глава седьмая

В которой автор перестает выделяться и начинает писать нормально, если так можно выразиться

Подглава 1

– Мистицизм какой-то, – сказал прокурор и выругался.

Его от всей души поддержал начальник милиции. Люди из министерства ничего не сказали, но по глазам было видно, что они совершенно согласны со сказанным.

То, что произошло, настолько не лезло ни в какие рамки, что сам автор десять раз подумал, прежде чем продолжить повествование.

А произошло следующее:

1. Был украден холст из кабинета покойного, причем из-под самого носа охранявших его милиционеров, украден с мольбертом, украден без следа.

2. Во дворе дома покойного появился еще один труп.

– Мы даже сообразить не успели, – оправдывались дежурившие в кабинете покойного милиционеры. Единственное, что их спасало от немедленного суда по методике мистера Линча, так это репутация добросовестных профессиональных специалистов, прослуживших в милиции не один год, – Он вышел из стены. Высокий, в длинном одеянии. На голове остроконечная шапка с красной пентаграммой на лбу.

– Красноармеец, что ли? – спросила красивая женщина лет тридцати пяти.

Она только что присоединилась к собравшимся. Разговор шел в гостиной покойного.

– А вы кто? – поинтересовался начальник милиции.

– Это ваше подкрепление, – ответил за нее человек из министерства, – разрешите представить: Зинаида Аркановна Петрова. Столичный специалист.

Он так и не уточнил, специалистом в какой области была Зинаида Аркановна. Спрашивать никто не решился.

Зинаида Аркановна была красивой, ухоженной, шикарно одетой женщиной.

– Почему красноармеец? – спросил Леденец.

– По описанию – шинель и буденовка.

– Это была не буденовка, а колпак. Как у куклуксклановцев. Да и одеяние больше похоже на костюм демона из фильма ужасов, – недовольно пояснил дежуривший милиционер, – он вышел из стены. Сказал что-то типа: «Привет, придурки», прочитал что-то на латыни и испарился вместе с мольбертом, оставив после себя характерный запах.

– Серы? – спросила дама?

– Фекалий.

– Вы покажете мне место преступления? – решительно спросила она.

– Я бы не советовал, – заметил прокурор.

– Почему?

– Запах. Он все еще достаточно стойкий.

Дама недовольно фыркнула, точно экзотическая лошадка и демонстративно закурила.

С трупом во дворе тоже не все было гладко, хотя о какой гладкости может идти речь, если в дело вмешивается труп, к тому же второй.

Еще совсем недавно труп был 86 летним Кириллом Мефодьевичем Стародубским: почетным престарелым местного дома престарелых и лидером и вдохновителем движения МАРАЗМ ПРОТИВ НАРКОТИКОВ.

Труп, если можно так выразиться, находился в позе шахматного коня или единорога, потому что ко лбу «в качестве рога был приклеен неестественно большой мужской орган, запечатленный в состоянии возбуждения» (цитата из милицейского протокола).

– «Твин-Пикс» какой-то, – сказала дама, глядя на труп.

– Вы о чем? – спросил начальник милиции.

– Был такой сериал. Там тоже преступник баловался подобными вещами.

– А вы что скажете? – спросил прокурор Леденца.

– Преступник умен, дерзок, нагл. Он разбирается в искусстве, легко идет на убийство и мастерски владеет конструированием реальностей.

– Это как?

– Так называемая реальность – это совокупное представление о мире большинства. Конструирование реальности – это манипуляция, позволяющая вносить изменения в эти представления, – ответил Леденец, при этом он сам не понял, что сказал.

– А если по-русски? – спросил начальник милиции.

– Если по-русски, – взяла слово дама, – вы этим давно уже пользуетесь в своей работе.

– Это как?

– Это когда вы берете невинного человека и заставляете признаться в совершении преступления.

– Все равно не понял, – обиделся начальник милиции.

– Только делаете вы это бездарно, – продолжила дама.

– Это еще почему?

– Потому что вы исходите из того, что раз в реальности следователя человек виновен, значит, он виновен, надо только найти доказательства.

– Ну...

– Тогда как более грамотно было бы сначала познакомить подозреваемого с теорией моделирования реальности, а потом уже убеждать в правоте следователя.

– Это что ж получается: Он может быть виновен и невинен одновременно? – дошло до начальника милиции.

– Правильно. Вопрос в том, кто моделирует реальность.

– Кстати, о моделировании реальности, – вступил в разговор Леденец. – У нас в городе открывается семинар на эту тему.

– Вам что, делать больше нечего? – оборвал его начальник милиции.

– Овладев этой технологией, мы сможем сражаться с преступником на равных, – нашелся Леденец.

– Я бы тоже с удовольствием присоединилась к группе, – поддержала Леденца дама.

– Думаю, возражений не будет, – встал на их сторону человек из министерства, лишив, тем самым, прокурора и начальника милиции права сказать «нет».

Подглава 2

*Трусихи зайка серенький под елочкой снимал
И долго-долго тужился – запором он страдал*

Выйдя из кабинета Доктора, Мстислав Ерофеевич ощутил что-то вроде эйфории. Он был свободен: свободен от страха перед тестем. Он сам не понимал, как это произошло (с Доктором разговора на эту тему почти не было), а если бы кому-нибудь пришло в голову спросить об этом Доктора, тот и сам бы офонарел. Проходя мимо задрипанного клуба, где все еще прозябал самодеятельный театр, Мстислав вспомнил, что совсем недавно там ставили «Молодую гвардию». Усмехнувшись демонической усмешкой, он разбил окно и забрался внутрь. В театре не

было сигнализации – никто не хотел платить. В нашей постсоветской постсюрреалистической действительности возможно и не такое. Немного побродив по театру – маленькой комнатке в полуподвальном помещении, – Мстислав обнаружил костюмерную, которой работал старый, выброшенный кем-то из дома на благо общего дела шкаф. Костюм офицера СС был там. Прихватив костюм, Мстислав выбрался из театра и бодро зашагал домой. В сарае он окончательно подогнал под себя костюм, – надо было перешить пару пуговиц, – почистил его, погладил и повесил в шкаф до субботы, которая, как известно, начинается у евреев в пятницу после захода солнца. Ждать оставалось три дня. Это было не так много: надо было сделать еще уйму всего, причем, не привлекая к себе внимания.

В пятницу Мстислав подстригся, побрился в парикмахерской, сделал маникюр. Образ требовал полного соответствия, поэтому он выпил немного коньяка. Грамм сто, не больше. Вернувшись домой, он еще раз критически осмотрел костюм. Все было в идеальном порядке. Одевался Мстислав медленно и с удовольствием. Посмотрев в зеркало, он увидел коленого офицера СС с арийским огнем в глазах.

Зазвонил мобильный телефон.

– Ты где пропал, задница? – спросил недовольно тесть.

– Иду, – ответил Мстислав и выключил телефон.

Его ждали к ужину: прислуживать за столом. Сделав глубокий вдох, Мстислав поднялся на ноги.

В столовой, где уже собрались все благородные члены семейства в лице тестя, тещи и женушки, Мстислава встретила немая сцена.

– Привет, жидовня, – поздоровался он, как можно веселей, – не ожидали?

– Что это за маскарад! – возмутился тесть, и тут же получил демократизатором по голове.

– Сидеть! – приказал Мстислав женщинам, которые попытались вмешаться в происходящее, – в этом пистолете, – продолжил он, доставая из кармана брюк «Осу», – пули с металлическим сердечником, обтянутым резиной. Этого вполне достаточно, чтобы продырявить ваши жидовские головы.

Сказав это, он отправил хорошим ударом кулака тестя на пол, после чего долго и со вкусом пинал его ногами. Он не успокоился даже тогда, когда тесть стоически затих. Закончив душевный разговор с тестем, Мстислав переключился на тещу.

– С тобой, старая сука, разговор будет более длинным. Держи, – он достал из пластикового пакета, который принес с собой и оставил у входа в комнату, бельевую веревку с петлей на конце, – примерь.

– Что ты собираешься делать? – с ужасом в голосе спросила Софушка.

– Молчи, сука, до тебя еще очередь не дошла.

Теща трясущимися руками надела на шею петлю.

– Ты слишком долго на мне ездила, теперь пришел черед поменяться местами. Становись раком!

Теща, замогильно воя, выполнила приказ.

– Держи, – Мстислав сунул жене в руку конец веревки, – будешь водить ее под уздцы. Обычно коней прищпоривают, но я воспользуюсь этим, – он взял со стола вилку.

– Поехали, – сказал он, сев на тещу верхом, и воткнул ей, не сильно, вилку в загривок.

Теща заверещала и пошла каким-то неровным шагом.

– Быстрее, – приказал Мстислав.

– У меня инфаркт! – взмолилась теща.

– Ничего, заработаешь второй, чтобы не скучно было.

На десятом круге вокруг гостиной теща выдохлась. Она рухнула со всех четырех и перестала реагировать на вилку.

– Загнанных лошадей пристреливают, – сказал Мстислав, но стрелять не стал, – теперь ты, дорогая моя женушка.

Лицо Софии побледнело.

– Сколько раз я слышал от тебя одно и то же. Ты не мужчина! Можно подумать, что некий телепающийся у меня между ног отросток, должен определять все. Ладно, раз он для тебя так важен, молись на него.

– Что? – переспросила Софья.

– Я сказал, молись.

Мстислав расстегнул штаны и достал предмет разговора.

– Но... я не понимаю...

– Повторяй: Нет иного бога кроме тебя.

– Я не могу. Это богохульство.

– Я ведь могу вернуться к твоим родителям.

– Не делай этого!

– Тогда повторяй!

– Нет иного бога кроме тебя, – произнесла набожная София и заплакала.

– А теперь сделай то, от чего отнекивалась все это время...

– Можешь заняться родителями, – сказал Мстислав, когда Софья закончила.

Не глядя ни на кого, он вышел из дома.

– Как повеселился? – спросил Мстислава высокий человек в длинном одеянии и с колпаком на голове. Он ждал возле дома.

– Ты прав. Это было здорово.

– Звони Доктору.

– Зачем?

– Надо рассказать ему про единорога.

Подглава 3

И почему только люди сами не летают, как птицы! – сокрушалась она, закладывая взрывчатку.

– А как же охрана? – недоверчиво спросил Доктор, устами которого вопрошал сам дух скептически настроенного читателя.

– Тесть был экономным. К тому же сам поселок охраняется достаточно хорошо. Чужой туда не пройдет. Ну а от снайпера спасает только грамотная политика. Тогда его просто не станут нанимать.

– Как я понимаю, вы не за этим подняли меня среди ночи, – сказал Доктор и пристально посмотрел в глаза Мстиславу.

– Вы совершенно правы, доктор. Это он заставил меня позвонить.

– Кто?

Однажды, гуляя после работы по городу, Мстислав заглянул в букинистическую лавку. Не то, чтобы он был поклонником литературы... Было прохладно, а он оделся слишком легко. В магазине людей почти не было. За прилавком скучала пожилая женщина наружности киношных гадалок.

– чего-то ищете? – спросила она.

– Если честно, я погреться, – не стал он лукавить.

– О, да тебя гложет печаль.

– Не то слово, – согласился Мстислав, который готов был уже в петлю лезть, чтобы только не видеть тестя.

– Тогда это для тебя, – сказала она и достала из-под прилавка старую, пожелтевшую брошюру.

– Что это? – спросил Мстислав.

– Подарок за честность.

Дома Мстислав заглянул в брошюру. Там было описание одного довольно-таки простого ритуала. Мстислав сделал все, что было написано. Наверно, глубоко в подсознании Мстислав ожидал что-нибудь из набора дешевых чудес, что-нибудь вроде удара молнии, распахнутого ветром окна, появления чудесной незнакомки... Естественно, ничего не произошло. Разочарованный Мстислав лег спать.

Во сне он увидел высоких, тощих стариков в одинаковых пальто и шляпах. Это была бесконечно длинная процессия, преградившая Мстиславу путь. Они шли мимо стройной колонной, тощие, убогие, старые... Шли и пели бесконечно долгий древний гимн беззубыми, шамкающими ртами.

Проснувшись, Мстислав понял, что он не один. На старом, шатающемся стуле сидел высокий человек в длинном одеянии. Лицо его было закрыто колпаком, какие обычно носят куклуксклановцы.

– Зачем ты меня звал? – устало спросил он.

Мстислав понял, что это его шанс. Он подробно рассказал незнакомцу о своих бедах, и тот пообещал помочь.

– Надеюсь, ты понимаешь, что это не бесплатно? – спросил он напоследок.

– Где подписать?

– Что подписать?

– Договор о продаже души.

Незнакомец рассмеялся.

– Оставь свою душу для нищих. Мне нужно нечто иное.

– Скажи, что.

– Укради для меня шахматных единорогов. Ты же вхож в тот дом.

– Так это вы убили этого человека? – спросил Доктор.

– Что вы! Я только жалкий воришка. Убийца кто-то другой. Я никогда не смог бы убить!

Глава восьмая

*Информация это то, с чем вы раньше не сталкивались.
Роберт Антон Уилсон «Новая инквизиция»*

Подглава 1

– И последнее, – сказал доктор, – подготовьте список из десяти пунктов: «Что должно быть в новом мире».

Сказав это, Доктор положил трубку.

Подглава 2

О, Земля! Ты лишь третья планета
От звезды, что по имени Солнце
Но из первых ты первая, правда!
Потому что живая такая.
Ты по форме почти эллипсоид
Слегка сплюснутая полюсами
Средний радиус твой обозначен
Как шесть, три, Семь, один, запятая
Ноль три два километров линейных
Твоя масса дана в килограммах:
Пять, девятка, семерка, шестерка,
Один, ноль, два, четыре. Не больше
Такова твоя масса, родная.
Твоя суша сегодня, о боже!
Двадцать девять каких-то процента
Двадцать девять и двойка в десятых
Ну да это совсем и не важно.
Остальное покрыто водою —
Так стыдливо ты плоть свою прячешь
Оставляя нам на обозренье
Числом шесть (как же трудно стихами
Обозначить коварное слово:
«материк»), а еще островами
Ты нас радуешь более щедро
Возраст твой почти пять миллиардов,
А точнее не знает наука
В миллиардах года исчисляешь,
Но для нас молодой остаешься
Нам всего только полмиллиона
Мы совсем неразумные дети
Твой единственный спутник – Луна
Как прекрасна бывает она!
Ты одета в свою атмосферу

Ее носишь ты как королева

Написав это, Доктор долго смотрел в окно, а потом вывел в тетради:

«То, что исследования доказывают, что форма Земли близка к шарообразной, еще не значит, что я с этим должен смириться. Завтра утром начнется первый и единственный в своем роде эксперимент— Путешествие к краю Земли. Я уже сейчас уверен в успехе. Доктор.»

Глава девятая

С которой все, собственно, и начинается. А начинается ни много, ни мало, а удивительный эксперимент: Группа лиц, отправляется в путешествие на край Земли! И это в нынешнем 2003 году! Цель эксперимента: Доказать, что, несмотря на то, что повсюду утверждается, будто форма планеты Земля близка к сферической, край Земли может быть где угодно. Место проведения эксперимента: Одна из дач одного министерства, которое серьезно заинтересовалось темой моделирования реальностей.

Участники эксперимента:

- 1 Доктор
 - 2 Его ассистентка (имя не указано)
 - 3 Михаил (очкарик из сна в начале книги)
 - 4 Севастополев Николай Николаевич (Уборщик из сна. Наяву директор театра музыкальной комедии)
 - 5 Леденец (Следователь прокуратуры)
 - 6 Мстислав Ерофеевич Зверь
 - 7 Любящий
 - 8 Машенька
 - 9 Зинаида Аркановна Петрова (столичный специалист)
 - 10 Катенька (рекрутирована в ближайшем баре для круглого счета)
 - 11 Евгения (штатная официантка и повар)
 - 12 Ниночка (горничная)
- По настоянию Доктора обслуживающий персонал был включен в группу.

Подглава 1

Журавлей в небе клинло

Вступительная речь доктора:

Дамы и господа, леди и джентльмены. Разрешите поздравить вас с началом этого грандиозного эксперимента, во время которого мы, я уверен, совершим удивительное, никем еще не предпринятое ранее путешествие на край Земли. Земля круглая, – возразите вы. Согласен и не согласен с этим утверждением одновременно. В нашей бытовой реальности земля действительно круглая, но что по этому поводу говорят умные люди? Не люблю апеллировать к так называемой науке с большой буквы: во-первых, ее нет; во-вторых, это самое антинаучное изобретение демагогов и инквизиторов наших дней.

Итак, с позиции Ньютоновской физики земля действительно круглая, но если рассматривать ее на атомарно-молекулярном уровне, мы увидим в нашей планете огромное облако, состоящее из миллиардов движущихся частиц в огромном свободном пространстве. С позиции физики полей перед нами предстает поистине сюрреалистическая картина. Но все это находится еще в рамках представлений о Земле круглой.

Совершенно иная картина предстает перед нами, когда речь заходит о четырехмерном пространстве-времени. Согласно этому взгляду на действительность, любой движущийся предмет – это трехмерный разрез четырехмерного тела. То есть, Земля – это сложное тело, которое включает в себя все состояния Земли от рождения и до смерти. Такую форму человеческий мозг не в состоянии себе представить.

Как видите, округлость земли – вещь весьма условная. Более того, современная физика утверждает, что и реальность как таковая тоже весьма условна. А доктор Грбовщиков разра-

ботал теорию перемоделирования реальности, согласно которой, наши представления о реальности как раз и являются тем формирующим фактором, который и создает окружающую действительность для каждого из нас.

В нашу с вами задачу входит создание края Земли. И это более чем реально. Достаточно вспомнить парадокс Зенона Элейского с летящей стрелой. Говоря современным языком, этот парадокс о движущемся под углом к горизонту теле: стреле. Лучник выпускает стрелу, которая, пролетая по параболе, падает на землю. Как говорят законы физики, в каждой точке траектории вектор скорости имеет постоянное направление и величину. Также в каждой соседней точке этот вектор отличен от предыдущего. Вопрос: когда вектор скорости меняет направление и величину?

Если перефразировать этот вопрос относительно нашей темы, получим: В каждый момент времени Земля является круглой. Вопрос: Когда земля является плоской? Второй вопрос: Где находится край Земли? Отвечаю: исходя из представлений о едином поле реальности, данные вопросы бессмысленны. Но если учесть последние достижения квантовой физики и теорию доктора Грбовщикова, можно сказать, следующее: Земля плоская в той модели реальности, которая описывает межвременное-межпространственное положение Земли. Край земли находится там, где его обозначит модулятор данной реальности.

Говоря совсем простым языком, мы с вами будем изобретать край Земли прямо здесь на этой даче.

Подглава 2

Первое заседание группы решено было устроить за «круглым столом», роль которого играл довольно большой стол в малом банкетном зале. Стол был квадратным, что не мешало ему быть одновременно и круглым.

– Что ж, пусть этот стол послужит символом предстоящей нам работы, – сказал Доктор перед началом занятий.

Евгения прекрасно справилась с поставленной задачей, и если бы автор решил заняться описанием стола, ему бы пришлось написать для этого отдельную главу. Когда путешественники (этот термин придумал для группы Доктор) благополучно устроились за столом, Доктор взял слово:

– Друзья, – сказал он, когда бокалы были полны, – сегодня мы начинаем одно из величайших путешествий в истории человечества. Подобно другим путешественникам, или даже первооткрывателям, а мы с вами, несомненно, первооткрыватели, – Доктор не готовил речь заранее, так что все сказанное им было экспромтом, – Мы позволили себе рискнуть. И, несмотря на то, что наше путешествие в отличие от покорения тех же полюсов проходит в условиях, о которых многие из нас никогда даже не мечтали, за что спасибо одному ведомству, мы с вами, тем не менее, рискуем многим, и даже очень многим. В случае провала мы рискуем своими добрыми именами, репутацией, и не только. Успех же закинет нас в такую реальность, которую мы даже представить себе не можем, несмотря на то, что именно нам предстоит взять на себя роль богов. Поэтому я предлагаю поднять первый тост (Доктор не всегда дружил с правильной речью) за мужество, после чего мы вернемся к разговору.

– Каждый из присутствующих получил домашнее задание, – продолжил он, выпив и закусив, – во многом результат эксперимента будет зависеть от того, насколько серьезно вы подошли к его выполнению. Каждую трапезу мы будем начинать с того, что кто-то из вас будет рассказывать о себе и о мире вокруг вас то, что бы вы хотели увидеть на краю Земли. Затем мы будем дружно молиться. Текст молитвы распечатан в достаточном количестве. К завтрашнему дню вы должны будете знать ее наизусть. Начиная с завтрашнего дня распорядок будет такой:

Подъем в 9-00, зарядка, завтрак, упражнения по системе Гробовщика, обед, гипнотерапия по моей системе, ужин. После ужина ваше время будет свободным. Вопросы есть?

– Как долго планируется проведение эксперимента? – спросил Мстислав.

– До победного конца. Иначе нас отсюда не выпустят ни при каких обстоятельствах. Но, учитывая, что количество продуктов все-таки ограничено, лениться нам будет некогда.

– Мы так не договаривались, – возмутился Севастополь, – я человек занятой и не могу себе позволить бесконечно долго прохлаждаться даже в таких условиях.

– Согласен, кое о чем я умолчал, иначе некоторых из вас здесь бы просто не было.

– А как быть с убийствами? – просил Леденец.

– Это зависит от вашего домашнего задания, – уклончиво ответил Доктор.

Вопросов больше не было.

– Тогда я предлагаю выпить и перейти к процедуре знакомства.

Возражений тоже не проследовало.

– Знакомство я начну с себя: Я – Доктор. Удачливый психотерапевт, кандидат наук, автор нескольких книг по психологии. Мое хобби – литература. Один из своих бестселлеров я намерен написать прямо здесь, во время путешествия. Я совершенно убежден в том, что Земля плоская, и когда мы выйдем из дома, вы сами сможете в этом убедиться. Я сам дал задание написать по десять пунктов, но для меня главным является сам факт того, что Земля плоская, поэтому все мои десять пунктов будут выглядеть одинаково. А теперь я хотел бы попросить тебя, Ниночка, раздать текст молитвы.

Ниночка на пару минут покинула комнату. Вернулась она с небольшой стопкой листов бумаги, которые раздала все присутствующим. На листках было следующее:

Молитва

Абакум, дывакум, ха, омпак!
Ихтызыр Моправинг Ог!
Сокурит Индолон! Проинг!
Тетраханкарт Куэнзер Омис
Обращаюсь к тебе трижды по тридцать три раза!
Орлорин! Роипонар! Житольин!
Я знаю великую тану! О круге Земном,
Который слепцы считают шаром!
О, край Земли!
Я знаю, что ты есть!
Я знаю, что ты здесь.
Я знаю, что там, где ты,
Исполняется сокровенное
Непроизнесенное
Выстраданное
И да будет так!
Абакум, дывакум, ха, омпак!

– Что это за язык? – спросила любознательная Катенька.

– Это язык края земли, – ответил Доктор.

Подглава 3

Утро каждый встретил по-своему:

Доктор, который испытывал нежные чувства к своей ассистентке (что для внимательного читателя было вполне очевидно), очень рано покинул застолье, предпочтя пьянству любовь. Ассистентка, которая испытывала нежные чувства к доктору, очень рано покинула застолье, предпочтя пьянству любовь. Утро застало их мирно спящими в одной постели.

Михаил, терзаемый угрызениями совести (он считал себя повинным в смерти сновидицы), искал утешение на дне бокала, но вместо этого обрел короткое тревожное небытие прямо за столом лицом в тарелке с куриными костями. Утро застало его в виде не выспавшейся горничной, которая пришла убирать.

Севастополь, как и положено истинному интеллигенту, подвыпив, начал приставать к Евгении, но, будучи девушкой опытной (я имею в виду опыт общения с пьяными представителями далеко не рабочего класса), она сумела сохранить честь и достоинство. В результате он проснулся у себя в постели в объятьях похмельного синдрома.

Леденец был на удивление трезвым. Весь вечер он пытался произвести впечатление на Зинаиду Аркановну. Они долго танцевали, после чего расстались у дверей в ее комнату. В общем, следователь был бодр и полон жизненных сил.

Мстислав Ерофеевич, вспомнив юность, сумел прельстить двумя сотнями долларов юную Катеньку, и был похож на счастливого бультерьера.

Любящий, будучи опытным выпивальщиком (неземное происхождение не давало ему превратиться в алкоголика), допив все, что было на столе, отправился спать. Утром он выглядел как обычно.

Машенька почти не пила, много танцевала и спала одна. Утро она встретила с оптимизмом.

Зинаида Аркановна тоже почти не пила и много плясала, но одиночество ночью восприняла несколько разочарованно. Она любила настойчивых мужчин.

Зарядку, которая состояла из йогических поз и дыхательных упражнений, перепившая часть коллектива восприняла в штыки.

– Как доктор, вы обязаны знать, что после пьянства физические упражнения вредны, – заявил Севастополь.

– Пьянствовать вас никто не заставляет, – парировал Доктор, – тем более что вы были в курсе того, что вас ожидает.

– Это произвол, – буркнул несостоявшийся любовник, но зарядку сделал.

Завтрак. Знакомство. Очкарик Михаил:

– Здравствуйте. Меня зовут Михаил. Я здесь несколько особый гость, как мне кажется. Во-первых, у меня уже был опыт моделирования сознания, который закончился весьма плачевно. Я убил человека. Женщину. Она постоянно втягивала меня в свой сон, заставляя играть роль идиота. Я придумал свой сон, куда она и попала.

– Надеюсь, ее смерть не была легкой, – вмешался в разговор Севастополь, – в ее сне я был тупым уродом– Уборщиком. Я все понимаю, но должны же быть пределы. Так что, дружище, на твоём месте я бы чувствовал себя героем.

– Это потому, что ты никого не убивал. Иначе бы ты почувствовал, что это такое.

– Один раз я пытался убить, – продолжил дискутировать Севастополь, – мне было лет двадцать с копейками. У меня тогда был весьма яркий роман с одной замужней женщиной. Как-то ее поколотил муж. При всем своём желании я не мог набить ему рожу: нельзя было открывать наши с ней отношения. Желая отомстить, я изготовил восковую куклу, наткал в нее иголок, и тэдэ. С мужем, естественно, ничего не произошло, иначе, если бы все было так

просто, профессии киллер просто не было бы. Но, несмотря на то, что в действительности никто не умер, психологически я его убил. Что я чувствовал? Ничего.

– Может, мы все-таки выслушаем Михаила? – вмешался Доктор.

– Я... – замялся очкарик, – мне около сорока пяти лет. Внешность... Пусть будет такой как есть. К себе я привык. Наиболее важным мне представляется умение предвидеть последствия своих поступков и возможность исправлять ошибки. Вот. А еще я хочу, чтобы там были Лена и Надя.

Сказав это, он сел за стол и молча уставился в тарелку.

– А я хоть никого не убил, могу быть обвинен сразу в двух убийствах, – сказал вдруг Мстислав, и, не дав никому опомниться, рассказал историю о единороге.

– Где единорог? – спросил Леденец.

– У него.

– Понятно.

– А я знаю его, – вмешалась в разговор Катенька.

– Единорога?

– Да нет! Этого в странном костюме. Это из-за него я попала сюда.

– Как это? – заинтересовался Леденец.

– Мне не везло в личной жизни, и я решила обратиться к одной колдунье. Ночью после этого мне приснился человек в балахоне, который сказал, чтобы я ждала в баре. Там я встретила Доктора.

– А мне этот человек посоветовал обратиться к Доктору, только сказал, чтобы я не говорила, но раз такое дело... – призналась Машенька.

– Мы тоже с ним виделись, – сказали в один голос Михаил и Севастополев.

– Мне он порекомендовал обратиться к Доктору, когда я искала работу, – сказала ассистентка.

Любящий тоже встречал этого человека. Женю и Нину он устроил на работу буквально неделю назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.